

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 33 (884)

16 июня 1940 г., воскресенье

Цена 30 коп.

18 июня исполняется четыре года со дня злодейского умерщвления троцкистско-бухаринскими бандитами великого русского писателя М. Горького.

Горький и наша литература

Через несколько дней все мы, вся страна, трудящиеся всего мира будем отмечать четвертьвековое со дня гибели Горького, злодейски умерщвленного троцкистско-бухаринской бандой. Всею своей жизнью, бессмертным героическим трудом своим Горький связал себя прочными нитями с жизнью и трудом всего народа. «Чувство нового», страстный интерес к фактам творческого расцвета, советских народов, живой интерес к людям — вот что определяло разностороннюю деятельность Горького. В центре внимания его стояли современные темы, советская литература. Он подошел к ней как хозяин или отец, строгим и влюбленным взором следя за тем, как она отражает рождение нового человека. Ведь долгие годы до революции тема эта была мечтой и путевой звездой самого Горького. Он строг и начинает «ругаться» самым беспощадным образом, когда видит, что ему подносят брак, «16 тысяч тутуных утюгов». В его раздражении тогда звучит голос общины за советского читателя, которого он называл «самым лучшим читателем в мире».

Этот великий труд Горького над созданием советской литературы обыватель не знает. Мы не имеем права ни на один день забывать о нем. Нам передано наследие гения. И нельзя себе представить ни одного советского писателя, который не вошел бы в мир Горького, не думал бы над образами и мыслями его. Слово всю жизнь и литературную деятельность Горького проходит дума о долге писателя и назначении его. Удивительна та острота чувства, с которой он всегда говорит об этом. Какие взволнованные слова находит он, желая побудить своих братьев по перу вдуматься в смысл их мысли: «Как человек, как личность, писатель русский доселе стоял, освещенный ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, литературе... Это был честный боец, великодушный человек, правды ради, богатырь в труде и дитя в отношении к людям, с душой прозрачной, как слеза, и яркой, как звезда бледных небес России». Слова эти были сказаны еще в 1908 году и были обращены укором к тем литераторам, которых «трудно заподозрить в том, что их интересуют судьбы страны». Эти высокие слова лучше всего характеризуют самого автора их.

Быть писателем — для Горького это был человек в самом высоком и прекрасном его значении. А быть человеком — значит быть нераздельным с народом в трудах, горестях и радостях его. Назвав в начале революции (в 1918 году) некоторые свои статьи прежних лет, Горький писал о себе: «Смысл двадцатипятилетней общественной работы моей, как я понимаю ее, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действительное отношение к жизни». Вспомним ли мы его рассказы «Выход», в котором рисуется, как человек (это был молодой Горький) бросился, безоружный, против шедшей деревни, бесчеловечно унижавшей ому женщину; вспомним ли мы (из письма к Коллонтай) как зваловали Горького слова из одного давнего стихотворения Янки Буналы, что хочет белорус «человеком зваться», — во всех этих признаниях мы увидим единую и цельную жизненную позицию, новый тип писателя, пролетарского, социалистического писателя.

Все стороны энциклопедической по своему значению Горького сходится к одному центру. Его разоблачение Самгиных, работы о том, чтобы у советских детей были хорошие книжки, борьба с познательными войнами и вхождением в учебники убогих социализма, внимание к затерянному в стране маленькому корреспонденту и к судьбам страны в целом, недовольство по поводу «литературных забав» и смелая поддержка начинающего таланта, малое и большое — все проникнуто у Горького революционным устремлением

и безупречным чувством нового. Вот почему Горький стал другом Ленина и Сталина. И вот почему он сам так много вкладывал в звание писателя, которое было для него синонимом высокого звания нового человека. Не от каждого писателя мы можем потребовать написать, как Горький, потому что это не каждому дано. Но от каждого мы должны требовать горьковского понимания своего общественного назначения. Мы должны учиться у Горького его вечной бодрости, строгому сознанию своей писательской ответственности перед литературой и народом.

В свете этого главного завета Горького, подтвержденного живым примером всей его жизни, следует разобраться и в конкретных указаниях Горького. Возьмем, например, такой существенный вопрос для сегодняшнего развития литературы, как вопрос о теме. Надо признать (и на это уже не раз указывалось в печати), что современная тема еще не занимает того места, которого она достойна. Следует напомнить, что, за небольшими исключениями, оборонная тема не выходит из круга гражданской войны, что изображение колхозного движения редко выходит за пределы 30-х годов, что новая интеллигенция СССР занимает непропорционально мало места в нашей литературе. Словом, несмотря на живой отклик на события современности, драматургия и особенно кинодраматургия все же можно говорить о недостаточном внимании советской литературы к современной теме.

Неверно думать, как это доказывали некоторые, что Горький отводил теме подлинное место в сравнении с изображением характера или языковым богатством произведения. «Мне неоднократно приходилось указывать, — писал Горький, — на ограниченность тематики дореволюционной русской литературы, дореволюционной буржуазной литературы, которая на самом деле вель пропуская чрезвычайно много вне линии своей работы и вне своего понимания... Есть опасность, что и мы что-то пропустим, а этого нельзя пропускать. Нам предоставлены в распоряжение бесконечные возможности опыта. Критика должна особенно подчеркнуть этот факт, этот порок литературы». Горький написал специальную статью «О темах» детской литературы. Он, кроме того, неустанно напоминал, что «социалистический реализм в литературе может явиться только как отражение данных трудовой практики фактов социалистического творчества».

Что такое современная тема для литератора? Это его ворота в жизнь, его участие в определении задач народа на сегодня и завтра. А не этот ли смысл вкладывал Горький в понятие о назначении писателя? Или возьмем один из центральных вопросов — нашей литературы — вопрос о создании характеров. Опыт-таки неверно толкуют Горького те, кто его призывал к романтической приподнятости изображения и словесному художнику за жизнью переводит в плоский лозунг «романтизм очеркизма». Наоборот, именно «человеческое» Горький считал основой искусства. А у нас еще часто общественная схема деятельности людей принимается за изображение их характеров. «Нам не следует опираться на сиюминутное бытовое человека, — писал Горький, — а мы должны показать его самому себе во всей красоте его внутренней заурядности и раздробленности, со всеми противоречиями сердца и ума».

Что такое значат характер для художника? Это — способ определения человека, путь к правде искусства. А не эта ли правда была всею жизнью на знамени Горького? От Горького лежит свет на дороге сегодняшнего дня. Думать над Горьким, изучать его, повседневно учиться у Горького — это благородная и плодотворная задача советской литературы.

А. М. ГОРЬКИЙ

Публикуемый ниже отрывок пьесы А. М. Горького хранился в личном архиве писателя, как черновик пьесы без названия. Название «Евграф Букеев» дано нами условно, по главному лицу пьесы. Год написания не установлен. Черновик состоит из 16 больших листов писчей бумаги с полями и нескольких маленьких добавочных листов, мелко испи- санных рукою Алексея Максимовича, с многочисленными зачеркиваниями, вставками и пр. Без конца. Публикуется впервые.

Автограф хранится в Архиве А. М. Горького. Наряду с другими неопубликованными произведениями Горького «Евграф Букеев» входит во II том Архива А. М. Горького, подготовленный к печати Институтом мировой литературы.

Евграф Букеев.
Жена.
Теща.
Изагова.
Марья Ивановна — сестра милосердия.
Вице-губернаторша.
Поп Самсон.
Изагов — городской голова.
Иванов.
Горбатов-архитектор.
Мари Максимов.
Наум.
Горничные.
Укропов.
Юнус Сабитов.
Гости.

Букееву — за сорок лет. Рыжий, волосы жесткие, вихрастые. Липо де красивое, почти уродливое; задумавшись — осклаивает зубы и шурит правый глаз. Движения — медленные, сдержанные, говорит спокойно, густо, но всегда за словами чувствуется презрительная усмешка. Может говорить очень мягко, «задушевно», с прислугой, служащими, ко всем другим людям инстинктивно недоверчив, насмешлив. В минуты возбуждения страшиковиден, но почти неотразимо обаятелен.

Жена — Марина Петровна, под сорок, пышная, красивая, значительно моложе возраста. Искусно красится. Немного устала жить, волноваться не любит. Велючлива. Носит лорнет, но алает им не очень умело и часто сдергивает с него. **Теща** — страшный старичок, его недавно разбил паралич, он плохо владеет речью, половина лица — мертвая, правая рука — тоже; левой ловит мух, истребляя, когда никого нет, грозит кому-то пальцем или кулаком. Его возит в кресле сестра милосердия. Несмотря на то, что он страшен, в нем есть все-таки комическое. При нем говорят про него так, как будто он уже не существует.

Изагова — Марлена Кирилловна, тяжелая старушка, опешеленная прожитым, по байкается мужа. Забываясь, начинает говорить громко и даже весело, но тотчас смущается.

Изагова — Надежда Никитовна, лет 56, бойкая говорунья, сияющее личико, оригинальная речь с неожиданными вставками и повторениями отдельных слов, которые кажутся ей смешными или уродливыми. Всегда в легком полноте.

Марья Ивановна — сестра милосердия, училась в епархиальном училище, мило- вынная, искренняя, наивная, но наблюдательная, как человек, несколько испуган- ный необычной обстановкой.

Нина Павловна, лет 35, красивая, изящ- ная, недоверчиво усмехается и любопыт- ствует.

Поп Самсон — лет 60, в виду — хилый, сумрачный, говорит отрывисто, грубовато, резкие движения.

Изагов — городской голова, человек само- любивый, завистлив, зол, не здоров.

Серафима — дочь его, вдова, лет 30, подра- гивает Букееву, бойкая, хотушная, жизнью — довольна.

Мари Максимов — 27—30 лет, ловка, весел, влюблен в Букеева, служит у него.

Юнус — татарин, благообразный, спокой- ный человек, речь почти без акцента, правильная, а волнуясь говорит очень не- правильно; говоря с человеком, смотрит прямо в глаза ему, лет 50.

Горбатов, Иван Иванович, архитектор, подрачный по строительным работам, лет 40, хитер, льстив, жаден.

Иванов — конторщик, из семинаристов, личность очень заурядная, знает это и этим оскорблен. Брат Марии Ивановны, лет 25.

Укропов — служащий Букеева, лет 30, очарован своими неостачиями до пафоса. Вещно — растрепан. Лицо лирическое.

Наум — лет 60, человек величественный и поучающий.

Саша — горничная, красивая, лет 25—34.

Фенля — тоже, младшая горничная, лет 19, смешная, неуклюжа.

Гости.
Кабинет Букеева, очень большой. У стены, налево огромный письменный стол, направо нагроможденный бумагами, книгами, образцами строительных материалов. В этом столу приставлен под углом другой стол, простой, вроде кухонного, он тоже завален всякой всячиной, это похоже на прилавок в магазине. Передний, левый, угол комнаты срезан фонарем, — двумя окнами и дверью на террасу, в сад. В задней стене — занавешенная тяжелой драпировкой дверь в спальню Букеева, рядом с ней часы в пробообразном ящике, маятник неподвижен. По другую сторону двери — большой план города. Направо и налево — двери. У правой стены — карточный стол, на нем расстланы карты, мелки, четыре стула, коло поставленный диван, на стене — оваловое, старинное зеркало в золотой раме. Другое против, на- нескос от него; зеркала расположены так, что позволяют Букееву наблюдать за людьми. В общем комната неприглядна, чужовата. Можно думать, что человек только что начал жить в ней и еще не устроился. Утро. Несколько секунд — пусто, затем выходит жена, в капоте, за ней почтительно и вельчественно Наум.

ЖЕНА. Ну, — хорошо, хорошо! Чего же волноваться?

«ЕВГРАФ БУКЕЕВ»

А. М. ГОРЬКИЙ.

Фото И. Шагина.

НАУМ. Моя обязанность — установить порядок.

ЖЕНА (идет в угол, к фонарю). Вот и установи. Когда встанет Евграф Иванович, — скажи мне, я буду в оранжерею.

НАУМ (пожав плечами, вслед ей). Слушаю. (Брезгливо морщится, осматривая кабинет, ворчит.) Устроился. (Вшел. Вошла Саша, с полой шеткой, с метелкой из перьев; из драпировки вышел Букеев, в халате, нечистосаный, похмыляясь, зевает.)

БУКЕЕВ. Уходи, Александра! Не пыли, Соловой и лимон. Чая. Да — крепкого? Что ты все жинки чай даешь?

САША. Часы починить прикажете?

БУКЕЕВ. Не прикажу. Не люблю, когда тыкают.

САША уходит в спальню.

БУКЕЕВ (мычит, прокашляется, по- ложил к зеркалу). Не хорош ты, Евграф. Вушительно не хорон. (Задумался.)

НАУМ (с подносом, ставит его на кар- точный стол). Разрешите доложить.

БУКЕЕВ. Доложи. (Наливает в стакан содовую, выжимает лимон).

НАУМ. В домах аристократических жен- ская прислуга по суетности ей...

БУКЕЕВ. Я сказал: ладнее — не люб- лю...

НАУМ (пожал плечами). Без ладнее трудно достигнуть порядка...

БУКЕЕВ. Экой ты упрямый.

НАУМ (вздыхнув). Марина Петровна просила сказать, что они в саду.

БУКЕЕВ. Скажи.

НАУМ. Я сказал. Бучер просит ветери- нара.

БУКЕЕВ. Это — к жене. (Идет в спаль- ную). Ты-бы сбрил баки-то, — на англи- чанца похож...

НАУМ. Человек мой должности обязан подражать англичанину... Вас ожидает та- тарин этот.

БУКЕЕВ (остановившись, говорит через плечо). Его ловит Юнус Губайдуллин, вот что, брат. Я ведь тебя не кричу: эй, рус- ский? Позови его. (Ушел).

ЮНУС. Ему судить не надо, по пешам лать надо.

БУКЕЕВ (строго). Почему — не надо судить?

ЮНУС. Что судить? Какой выгода кому.

БУКЕЕВ. Добрый ты слишком.

ЮНУС. Ты сама добрый.

БУКЕЕВ. Ну, это, брат, не верно.

ЮНУС. Так будет. Верно. Все немощно ворует. Что там...

БУКЕЕВ. А ведь вот, не ворует.

ЮНУС. Нам не надо. Ситый.

БУКЕЕВ. Говорят — сытый больше го- лодного крадет.

ЮНУС. Привычкам нашим нету, кара- лить.

БУКЕЕВ. Уменья нет. Жалко дурака. Пошли мне его через... полчаса. Тебе что надо.

ЮНУС. Денга, семь тыщи.

БУКЕЕВ. Вот, возьми векселя Изотова, утешь. Тут на 25, 15 мне принеси.

ЮНУС. Пропал купец.

БУКЕЕВ. Ну?

ЮНУС. Верно будет.

БУКЕЕВ. Туда и дорога. Я его вчера в карты нагрел на две тыщи. Еще что?

ЮНУС (подает счета). Горатов кара- лить мало-мало. Народный дом.

БУКЕЕВ (с радостью). Кошачно! Провере- но?

ЮНУС. Не все. Кирич 14 т. липши, писал, еще что такое есть невозможно.

ЖЕНА (злится). Ты не смеешь говорить со мной в таком тоне.

БУКЕЕВ. Ну, вот еще! Почему — не смею?

ЖЕНА. Ты должен помнить, что я тебе помогла встать на ноги.

БУКЕЕВ. Помню. Ну?

ЖЕНА. И благодаря мне...

БУКЕЕВ (пошел, взял ее за подбородок, приподнял).

Тебе чего надо? Автомобиль у тебя — есть, любовник — есть.

ЖЕНА. Жень...
БУКЕЕВ. Цып!

ЖЕНА (схватясь обеими руками за его руку). — Не смей на меня орать.

БУКЕЕВ (встряхнул ее). Цып. Пошла прочь... кор-рова...

Жена замолчала, испуганно.

Сестра вводит тестя, он делает голо- вую крутле, сверху в низ движения.

Правая рука — мертвая, левая шари- по груди, как бы пытаясь перевернуться или растегивая пуговицу.

БУКЕЕВ. Вы тут не эдили-би...

СЕСТРА. В гостиной чинят дверь... (Толкает кресло на террасу).

МАРИНА (идя за нею). Мога бы про- вести двором.

СЕСТРА. Они желают на террасу.

САША. Вас спрашивает Николай Пе- трович.

БУКЕЕВ. Закрой дверь и позови его. (Ходит).

САША ушла, Иванов, Укропов, Иванов подают счета.

БУКЕЕВ. Ты что каким сычом смот- рить? Глади веселей!

ИВАНОВ (хмуро). Денег нет на веселье...

БУКЕЕВ (оглядывая его). — Денег! Хо- чешь — полтинник дам? Весельчак. Сту- пай.

(Восприняв счета на стол, взял Укропова за плечо, смотрит на него). Как же это Николай Петрович, а? Да, ты не опуская голову-то! В чем же дело?

УКРОПОВ. Пошадите.

БУКЕЕВ. Что же шадить? Ты — шадить, а ты — воровать. На принято зна- ток. Нет, брат, пропал — ты... Тебя Ок- ружным судом... (Звонит телефона). Слу- шаю. Да, Букеев. А — кто? (Образова- ся). Нина Павловна, — добрый день! Да, Грешен! Как? (Смеется). Можно. И это можно. Я к вам Юнуса пошло. (Молчит, хмурится). Н-да... Понимаю. Нет, я не про- тив. Только, по-моему, надо, чтобы все го- сударство Народным домом было, а так... (Смеется). Хорошо! Спасибо, что позволи- ли. Значит я — в четыре к вам? До сви- дания. (Смотрит на Укропова, толкнул стул к нему). Салех. Хочу понять, как это тебя угораздило? Рассказывай. Ну?

УКРОПОВ. Женищина.

БУКЕЕВ. Н-да. Влюбился?

УКРОПОВ. Да. Без памяти.

БУКЕЕВ. Так. Не понимаю, как это вы... такие, вот — влюбляетесь? И — же- нитесь? И детей родите? На кой черт все это, а? Ты себя не спрашивал?

УКРОПОВ. Нет.

БУКЕЕВ. Ты спроси. (Внушает). Влюб- ляется, Николай Петрович, можно в 40 лет, когда... (Значительно). В 40 лет! Когда весь ты — на лицо! И ничего не надо кроме этого. Вот...

УКРОПОВ (встал)... Евграф Егорыч. Ес- ли-б вы ее знали и вы-бы тоже, — чест- ное слово! И вас-бы за сердце взяло. Тут Евграф Егорыч — спасения нет и разу- м- лишний. Тут — так: скажет: убей, и — убьет-е! Вы — особенно! Это такое чув- ство, что — человека — нет! Только — она, а вы... вы только так как-то — го- рите и — все!

БУКЕЕВ. Уши тебе оборвать, Николай, вот что! Сдай дела Иванову, а сам поедь на мельницу, конторщиком, жало- валье тоже... Пошел вон!

УКРОПОВ. Не могу. Не поеду...

БУКЕЕВ. То-есть — как это? Я-же тебя, болван, от тюрьмы отвожу.

УКРОПОВ. Не могу.

БУКЕЕВ. Не можешь? Укропов отрицательно потряс головой.

БУКЕЕВ. Так ведь — пропадешь ты! УКРОПОВ. Все равно.

БУКЕЕВ (с любовью). Вот как? Н-да... Ну, что-ж. Твое дело. Пожалуй я тебя поймаю. Ведь — не отвечаешь за себя?

УКРОПОВ. Нет.

БУКЕЕВ (не сразу). Получи расчет.

УКРОПОВ (подвинулся к нему). Евграф Егорыч.

БУКЕЕВ (испроса глядя на него). Ну? УКРОПОВ (тихо и горьково). — Бу- гаюдару за...

БУКЕЕВ (поднял его в плечо). Жалко мне тебя, Николай, Хороший ты парень. Укропов закрыл лицо руками.

БУКЕЕВ (грубовато). Ну, ну не ещи! Или к чертам.

Укропов идет, пошатываясь, слепо.

БУКЕЕВ. О расчете — подожди говорить Власову. Эй, слышишь?

УКРОПОВ. Не надо. Евграф Егорыч. Все равно. Стыдно мне... Ужасно.

БУКЕЕВ. Я тебе сказал — не говори о расчете! Я еще подумаю.

«ЕВГРАФ БУКЕЕВ»

ОНОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТР.

Укропов отмахнулся рукой и ушел.
 БУКЕЕВ (искося смотрит вслед ему, ходит. Ворчит). Вот как... Да... И-ну, что не для нас, Евраф. Нет, это не для нас. Звонит телефона и входит теща.
 ТЕЩА (входя). Слушай-ко, Еврафуско, зверь болей, я к тебе.
 БУКЕЕВ (отмахиваясь). Минуту, ма-маша. Да. Готов слушать.
 ТЕЩА. Прими-ко ты поща...
 БУКЕЕВ. Что-то? Да, что я — умираю, что ли?
 ТЕЩА. Нет, погоди...
 БУКЕЕВ (в телефон). Доброго здоровья, Ваше Превосходительство. Так-с. Ну, что же? От большого лица маленькая неприятность — удовольствие. Совершенно верно! То-есть — как это — недействительно? (Удивлен и сердится). Но — по-вольте, Ваше Превосходительство, вы сами написали... Так что подписи Ва-ше-го Пр-ре-во-сходительства — не закона-с? А-как-же мне понять?
 ТЕЩА (дергает его за халат). Что ты на губернатора-то кричишь, как на под-рлчика, кричишь? Опомнись!
 БУКЕЕВ (подняв кулак, свирепеет). Нет, виновити, не могу. Вышеательство представляете власти в частные отноше-ния... Нет, Ваше Превосходительство, именно давление... Честь имею... (Швыр-нул трубку, дико смотрит на тещу).
 ТЕЩА. Ну, что, ну, что — осырпел, ну?
 БУКЕЕВ (с треском перекидывая вещи на столе). Ид-диот... (Отучат в откры-тую двери с террасы. Теща поспешно по-кивает дверь, — сестра вносит кресло).
 БУКЕЕВ. Я сказал...
 ТЕЩА. Шш... Прощай, матушка, про-щай (Прошепала). На чреп похож стал мужень-то мой... Евраша, — прими поща, обраду старушку...
 БУКЕЕВ. Отстаньте! Какой, там, поп... ко всем чертям! (Берет ее за загривок). Понимаете вы...
 ТЕЩА. Что ты меня, как собачку... Пусти-но... что-ты?
 Юнус вошел.
 БУКЕЕВ. Ну? Учены велосла?
 ЮНУС. Обязательно. (Дает деньги).
 Теща убежала.
 БУКЕЕВ (открывает ящик стола). Гу-бернатор задержал стройку... Будто — нарушен строительный устав. Дело вовсе не в уставе, а...
 (Поп Самсон — в беднейшей выпнетшей расе, в тельных мужских сапогах, со шляпой в руке. Шляпа помогает ему го-ворить, он размахивает ею, мает ее, рас-таскивает. Он не сутяжит, по его жесты быстры и красноречивы. За ним — теща, подмигивает Букееву, делает умиряющие жесты. Букеев — взбешен).
 БУКЕЕВ. Икону ищите? Не удобная комната для икон — негде повесить. Чем могу служить.
 ПОП. Деньгами.
 БУКЕЕВ. Так. А... для какой цели, можно узнать?
 ПОП. Сейчас узнаешь.
 Теща полоннула погу кресло, он сел-развертывая на коленях катчетый платок и вынимая из него бумагу. Юнус хочет уйти.
 БУКЕЕВ (присев на стол). Положи, Юнус.
 Юнус сел на диван сзади поща, вынул из кармана записную книжку, карандаш. Теща в продолжении всей сцены бесшум-но перекачивается с места на место.
 ПОП. (Прочитывая Букееву обе руки с бумагами). Вот эту надо сейчас прочитать, а эти — после.
 Букеев не шевелится, ожидая, что поп встанет. Теща хочет взять бумагу и по-дать ему.
 ПОП. Сам возьми, он моложе тебя. (Бу-кееву). Ну, бери, что-ж ты?
 Юнус, перестав писать, изумленно по-нял брови, осматривает поща.
 БУКЕЕВ (нахмурясь, пошел, взял бу-маги). Обязательно читать?

ПОП. Ну, да.
 БУКЕЕВ. А если я не стану?
 ТЕЩА. Что-ты — не грамотный что-ли?
 ЮНУС (тихо). Надо читать.
 БУКЕЕВ (покашливая на него, читает стоя). «Сям жители г. Мямлина, в числе 3208 удостоверяют, что прогоняет... (Бу-кеев внимательно, через бумагу, осматри-вает неказистую фигуру поща). Протопо-пер... м-да! Самсон Гороблагодатский, за-бывает о снабжении города нашего питье-вой водой, собрал единоличным трудом своим в течение 12-ти лет, допленные воды в лесу, в двух верстах от города и цыне в лесном овраге образовался пруд прекрасной воды, коюю город может быть снабжен ежедневно в количестве 40 т. ведер». Так-с...
 ПОП. Жителей в городе около 10 т.
 БУКЕЕВ (смотрит на него). Единолич-но — работай?
 ПОП. Сказано.
 БУКЕЕВ. 12 лет? (Поп молчит, дей-ствуя шляпой). Об этом деле... удиви-тельно, рассказывали мне.
 ПОП. Смейтесь?
 БУКЕЕВ. А — как вы думаете?
 ПОП. Смейлись.
 Букеев ходит, молча смотрит на бумагу. Юнус уроня карандаш — поп обернулся, взглянул на него. Юнус виновато улы-бается.
 ПОП. Из татар?
 ЮНУС. Татар.
 ПОП. Хорошего народа сын.
 ЮНУС (встал, кланяется). Спасибо.
 ПОП. Сиди, сиди.
 ЮНУС (закрыл глаза болтает головой). Ух!
 ТЕЩА. Ты, Евраша, дай ему денег...
 БУКЕЕВ. (остановясь). Говорят — слы-у вас за границей?
 ПОП. Да.
 БУКЕЕВ. Политический?
 ПОП. Да. А чьей в тырме.
 БУКЕЕВ. Тоже... политик?
 ПОП. Ну, да. Не воровка-же.
 БУКЕЕВ (усмехнулся). Стало быть — вы за бедных, а дети — против бога-тых?
 ПОП. Ну?
 БУКЕЕВ (усмехаясь). Дружная семья.
 ТЕЩА. Ты, Евраша... ах, ты!..
 БУКЕЕВ. Да, я... не осуждаю. Инте-ресно. Не по человечески как-то... Хоро-шее дело сделали вы, отец... Не позво-ляю.
 ПОП. Я плохой поп. А — дело подо-делано. Водокану надо строить. Денег — нет. Богачи городские — не дают. Они воду себе бочками возят из лесных источ-ников. А в реке вода отравлена завода-ми химии и рыба не живет в реке, и скот воды не вкушает. Да. Больше-же берут воду из прудов, тухлаю, гнилую. По-нял.
 БУКЕЕВ. Ясно.
 ПОП. Я им плонул в рожи, богачам-то, да, вот, и пошел милостыню собирать на постройку водопровода. Вот к тебе при-шел.
 БУКЕЕВ. Тоже... к богату. Почему именно ко мне?
 ПОП. Имено причину.
 БУКЕЕВ. Можно спросить — какую.
 ПОП. Не отвечу.
 Жена — пышно одетая к выходу с зон-тиком, в шляпе, удивленно смотрит на поща. Теща подбегает к ней, шепчет.
 ЖЕНА. Я просила вас не делать это-го.
 ТЕЩА. Шш? Что-ты!
 ПОП. Супруга?
 БУКЕЕВ. Да. Вот, Марина, познакомь-ся...
 ЖЕНА. Мы уже знакомы.
 ПОП. Ко взаимному неуловистому.
 Юнус испуганно припрыгнул р рукой.
 Букеев, отворотясь, усмехнулся.
 ТЕЩА (грозя дочери пальцем). Попро-буй!
 БУКЕЕВ. Смета на хороше тысячи.

ПОП. Вот именно. Вот и дай.
 БУКЕЕВ. Ведь у меня тысячи... как у всех обыкновенные.
 ЖЕНА. Если не большая сумма...
 Юнус пошел к Букееву, шепчет, сует ему в руку что-то.
 БУКЕЕВ (захохотал, отталкивая его). Поди ты к черту... Чучело!
 СЕСТРА (входит теща, говорит, тихо называясь). Они требуют.
 БУКЕЕВ (внимательно глядя на тещу). Значит так надо понять: вы, отец, не богу служите, а людям.
 ПОП. Я — не ангел, богу — ангелы служат. Это кто?
 БУКЕЕВ. Тесть.
 ПОП. Вот видишь...
 БУКЕЕВ. Что — вижу.
 ПОП указывает шляпу на тещу.
 БУКЕЕВ (помахивая бумагами). Мне надо подумать.
 ПОП (грубовато). А-о чем думать? Взят да и дал. Думаете все. Подумали чорта дико, а жить не умеете.
 Юнус закрывает рот.
 БУКЕЕВ (хмурясь). Проповедь я не люблю.
 ПОП. И я тоже. Не язык проповедует истину, а — рука, воздвигнутая лю-бовью. Рука. Живем в грязи, в неустрой-стве, зверями живем.
 БУКЕЕВ (походя к нему). Вы до после-завтра до вечера отложите это дело...
 ЖЕНА. Ты забыл? У нас именины.
 БУКЕЕВ. Ничего. На именины пока-лугте. Вот.
 ПОП. Ну, это мне не надо. (Теще). Спасибо, мать (кланяется головой Юнусу).
 БУКЕЕВ. Вы же оставились?
 ПОП (жмуя пальцем в плечо тещи). У вас.
 Букеев протянул ему руку, поп похло-пал по его руке и быстро ушел, теща за- ним.
 ЖЕНА. Я убеждала мать, что она те-бя избавила от этого пошляка.
 БУКЕЕВ. Неубедительно убеждала. (По-шепал жене говорить). А — не знаешь почему тут палаша путешествует? Как будто ему по ногам, по моим проехать охота.
 Жена показывает глазами на Юнуса.
 ЖЕНА. Мне денег надо.
 БУКЕЕВ (указав ей рукой на стол, — Юнусу). Поправись тебе поп?
 ЮНУС. У-уй! Очел! Ах... очел-очел!
 БУКЕЕВ. А, ведь, своих попов не лю-бишь?
 ЮНУС. Никаких, не люблю. Последни-на верно говорит: «Плохой жеребенка бывает инокходом, худший из людей — мулой». Это хороший, чистая вода наша людья... Понимает.
 БУКЕЕВ. Сумасшедший... какой-то.
 ЮНУС. Нет, не-от! Правильный!
 ЖЕНА. Ты не забыл, что в следующее воскресенье — народное гулянье и бла-готворительный базар?
 БУКЕЕВ. Нет.
 ЖЕНА. Ты сколько дашь губернатор-ше?
 БУКЕЕВ. Ничего не дам.
 ЖЕНА (вспылила). Послушай, Евраф, когда я говорю с тобой
 НАУМ (в дверях). Их степенство г. го-родской голова просит...
 БУКЕЕВ. Зови. Юнус, — подожди меня полчаса. Уходи, Марина...
 ЖЕНА. Я не горничная...
 Букеев шагнул к ней. — ушла.
 ИЗОТОВ. Дельцу почтенно! Как живем?
 БУКЕЕВ. Отлично живем!
 ИЗОТОВ. Х-э-х-э-х.
 БУКЕЕВ. Хо-хо-хо. Сидись-ко.
 ИЗОТОВ. Хороша погода сегодня, не жарко.
 БУКЕЕВ. С полудня будет жарко.
 ИЗОТОВ. Будет?
 БУКЕЕВ. А как же?
 ИЗОТОВ. Ты — все знаешь! (Наклоня-ся, хлопнул Букеева по колену, смеется, Букеев вторит).

Вечера памяти Матэ Залка

Правление и оборонная комиссия союза советских писателей СССР широко отмети-ли третью годовщину дня смерти ге-нерала Лукача, писателя Матэ Залка.
 11 июня в Краснознаменном зале Цен-трального дома Красной Армии состоялся большой вечер, в котором приняли уча-стие советские писатели, боевые товарищи Матэ Залка, командиры и бойцы Красной Армии, рабочие фабрик и заводов. После вступительного слова А. Писака с боль-шим докладом о жизни и творчестве М. Залка выступил Р. Азарх.
 С воспоминаниями о встречах с ге-нералом Лукачом выступили Л. Никулин, Р. Кармен, О. Самич, товарищ Залка по гражданской войне Б. Лавровский. Поэты читали произведения, посвященные Матэ Залка.
 В ЦДКА была открыта выставка про-изведений, рукописей, фотографий и пи-сем М. Залка.
 Очень многолюдными были литерату-рные вечера, устроенные в парках столиц. В них приняли участие Л. Соболев, А. Безмяникий, П. Маркин, Р. Азарх, Л. Никулин, Эрих Вайнер, С. Шиллачев, С. Васильев и Виноградов-Мамонт.
 Всесоюзный радиокomitee устроил три передачи, посвященные Матэ Залка, — «Наш Матэ», биография, написанная Б. Иллешом, и отрывки из «Доберда».

Неизвестная запись «Джангара»

Недавно среди рукописных фондов Архивного отдела УНКВД по Ростовской области обнаружена запись «Джангара», сделанная около сорока лет тому назад в Сальских степях Иваном Ивановичем Поповым.
 Закончив в 80-х годах прошлого века лейпцигский университет, И. И. Попов поселился в глухой тогда степи и много лет посвятил изучению этнографии донских калмыков. Свои наблюдения он аккурратно записывал; так постепенно у Попова накопились десятки тетрадей, в которых нашли свое место записи фольклора и различных обрядов донских калмыков, заметки об истории и хозяйстве калмыч-ского народа, тщательно сделанные копии калмыцких орнаментов и т. п.
 Сохранив в Архивном отделе хранятся де-сятки томов, написанных в свое время Поповым. Первый том этого собрания со-держит запись «Джангара», сделанные Поповым в раннее время.
 Рукопись представляет собой большую тетрадь типа конторской книги в 155 ли-стов. На титульном листе, украшенном цветной вышивкой, рукою собирателя на-писано жидкой бронзой: «Джангар» в монгольской транскрипции, а выше, крас-ной и черной тушью — «Джангар». На-циональная калмыцкая поэма в оригинальном тексте и русском переводе с при-мечаниями И. И. Попова. Балла Средняя Азия — Дунда-Алал-Гол, 1892 год. Да-лее на четырех листах написано предла-вание. Семнадцать листов содержит запись первой песни «Джангара» на кал-мыцком языке в монгольской транскрип-ции. На каждом листе вышита желтой тушью, а отдельные строки в тексте вы-делены красной тушью. Запись эта пред-ставляет одну песню, однако разделена собирателем на три отдельных песни: «Бумба — земля Джангара», «Богатыри подражают Джангара», «Голубой конь Улан-Хонгора».
 Наибольшую ценность представляет ва-кончанная запись песни об Улан-Хонго-ре. Попов сделал эту запись от джангар-ца Вадим Доржиновича Обухина в де-кабре 1901 года, в степной балке Дунда-Алал-Гол. Песня повествует о подвигах самого замечательного из богатырей Джан-гара — Улан-Хонгора, защищающего родную страну от нашествия повелителя шудумос, злобного Алханжи-хана.
 Репонис И. И. Попова особенно ценна потому, что это единственная запись пес-ни «Джангара», сделанная среди дон-ских калмыков.
 Архивный отдел подготовил эту запись к печати. На-днях книга выйдет в свет.
 В. ЗАКРУТИН

Смерть Вернера фон-Хейденштам

20 мая 1940 г. умер знаменитый швед-ский писатель Вернер фон-Хейденштам. В 90-х годах прошлого столетия Хейден-штам был главным романистическим тече-нием, борющимся с реализмом Стриндберга.
 Первая книга Хейденштама — «Путе-шество по святым местам» — вышла в 1881 г. В 1912 г. он стал членом Ака-демии, а в 1916 г. получил Нобелевскую премию.
 рад, неожиданно для белых, на рассвете ударил на Кимасозере.
 Начальник белых за день до этого со-ставил рапорт, в котором указывал, что из одного красноармейца ближе чем за три-ста километров от него нет. И хотя у бе-лых в Кимасозере насчитывалось бойцов в четыре раза больше, чем лыжников у Антикайнена, неожиданность удара и сме-лость курсантов интернациональной школы помогли разгромить штаб и отряд, его охранявший.
 Советская власть наградила отряд и двадцатитрехлетний командира Тойво Ан-тикайнена орденом Красного Знамени.
 Все враги молодой советской респуб-лики, выступившие против нее с оружием в руках, были разбиты, и Тойво Антикай-нен с присутствием ему жаром, со всей принципиальностью и целеустремлен-ностью, вновь отдался борьбе за освобож-дение рабочего класса Финляндии, верным сыном которого он ни на секунду не пе-реставал быть.
 Он работает уже в рядах финской ко-мунистической партии, в условиях труд-нейшего подполья. Схвативший в 1934 г. полицией, Антикайнен с гордо поднятой головой предстал перед судом. Суд этот по существу явился узаконенной крова-вой расправой врагов, стивших пошле-щаму в их руки революционеру. Притво-рил его к 8 годам тюремного заключения за принадлежность к компартии, суд ин-сценировал обвинение его в уголовном пре-ступлении, и, несмотря на то, что все хи-тростиления журналистических были бесче-стны работы Антикайненом, он был при-сужден еще к 20 годам одиночного тюрем-ного заключения.
 Антикайнен своим поведением, своими выступлениями на суде, пропозанными преданностью протекторской революции, превратил суд в трибуну и фактически вновь явился обвинителем буржуазного пра-вительства Финляндии, которое своей по-литикой вело народ к несдыхамым бед-ствиям. Тем алее оказалась месь тюрем-щиков. Справа и слева, снизу и сверху от камеры Антикайнена камеры оставались

Только не думать

В «Манчестер гардиен» и прочел нела-по два фельетона, о которых стоит рас-сказать советскому читателю. Мы с на-пряженным вниманием следим за события-ми, развертывающимися на западе Евро-пы. Мы продумываем каждое сообщение с театров войны. Что чувствует и дума-ют люди, являющиеся не зрителями, а участниками этих событий? Об этом и го-ворят фельетоны. Не подумайте, что речь идет о жертвах войны, о беженцах, за-ключенных солдатах. Речь идет о еще и-решающих в своих домах обывателях.
 Со времени появления этих фельетонов были пройдены стадии эвакуации Норве-гии, канитуляции голландской армии, вступления германских сил в Северную Францию, крушения плаща обороны, вы-рабатанного союзниками. Мир с затеян-ным дыханием ловил каждое сообщение радио с фронта. Фельетонист «Манчестер гардиен» не меньше нашего был возвол-ван войной и не мог писать ни о чем, кроме войны. Но фельетонист не политик, а философ, созерцающий жизнь. Он на-шел в жизни отрадное явление и наш-сал о нем.
 «В грохот прошлой войны, — пишет Айвор Браун, — вырвался голос поэтов; в стальные баррикады и арманы вынес-шей войны проникают кисть и карандаш».
 В начале войны думали, что художни-кам пришел конец, что на картины ни-то и смотреть не станет. Но вопреки всем предсказаниям, на рынке изображе-нного искусства наступило необычно-высокое оживление. «Нью стейтсмен энд инпейн» пишет, что «такого интереса к картинам никогда не наблюдалось ни в Лондоне, ни в провинции. Картины на-ходят исключительный сбыт». Открываются выставки за выставкой, «невзирая на опасности сверху».
 Такому наблюдению можно порадова-ться. По все-таки это несколько странно. Откуда, почему именно в этой обстановке у английского обывателя, столь равно-душного к искусству, появился такой небывалый интерес к картинам?
 Объяснение, которое дает Айвор Браун, не ново, но повторенное в вышедшей об-стоянке, оно кажется особенно любопы-тным.
 «Причина интереса к живописи — двойного рода, — говорит Айвор Браун. — Многие богатые люди, покупающие про-изведения искусства, озабочены сохране-нием своего капитала и полагают, что картины являются более надежным ка-питаловложением, нежели пацки банков. Картины представляют собой также для биржевого игрока, поскольку в связи с ограничением дивидендов игра на бирже стала почти невозможной. Крайне ограни-чена и деятельность бегах, а следовательно, и возможность игры на бирже. Поэто-му игрок пробует счастья на картинах Писера, Зуераанда или Смита, как он раньше пробовал его на золотых россы-пах, плантациях, лощах. Конечно, для частного игрока это унизительно. Но что же ему остается делать, если он желает получить небольшой барыш без затраты трудов? Он спекулирует на мебели, дра-гоценностях, картинах».
 Очевидно, этих людей много. И так потребности у них потребности спекули-ровать, что никакие военные поражения их не останавливают. И что скажет, не будут ли они спекулировать и на самых пора-жениях?
 Айвор Браун приводит и другое объяс-нение. «Будем надеяться, — говорит он, — что в повышенной атмосфере студии и аукционных зал есть и нечто большее, чем безделье стяжательского общества». Это «нечто большее» заключается в том, что есть люди, «которые желают освободиться от бремени забот и тирании по-следних известий». Вот для этих людей, которые внушают симпатии автору, лю-дей, которым чужды нечестные мотивы спекуляции, «созерцающие картину может быть лучше, чем писание или чтение стихов». Поэзия «имеет дело с языком и идеями, так же как и с чувствами, язык и идеи вызывают оценки, суждения, ум-

ственные ассоциации. Они возвращают нас к тем размышлениям о природе и судь-бе человека и к тем событиям, от кото-рых в нынешние времена протестовать и искать временных забавяния. «Живопи-с и отчасти музыка в этом отношении име-ют преимущества перед любым искус-ством слова».
 «Это избавляет вас от размышлений, — пишет в заключение фельетонист, — в этом лучшее оправдание интереса к поку-пке картин в эти времена, когда размыш-ления так мучительны». Хорошая карти-на означает «перемещение с мыслью».
 Второе объяснение не менее характе-рно, чем первое. Спекулянт думает толь-ко о том, чтобы при любых условиях на-жить как можно больше. Люди интеллекту-альные думают о том, чтобы найти способ не думать. Все интеллектуальные люди читают стихи и смотрят картины. Многие дела-ют это с большой страстью. Но едва ли кому-нибудь придет в голову объяснить это тем, что стихи и картины избавляют от необходимости думать.
 Англичан считают народом хладнокров-ным. В самом деле, английский государ-ственный деятель может спокойно сказать такую вещь, от которой иных бросит в жар и холод. Фельетон Айвора Брауна свидетельствует скорее о тревожном со-стоянии английского обывателя. Но обыва-тель, даже и встревоженный, не желает думать. Он боится думать. Он боится идей. Он боится думать о будущем, не желает тизкалти ассоциаций, которые навязаны бы ему о настоящем, и без того хорошо известном, он не желает возвращаться к прошлому, он не желает знать, как все это случилось. Думать должны те, кто за это получает жалованье или гонорар. Эти лю-ди думают. Министр может нарисовать самую страшную перспективу. Обыватель прочтет парламентский отчет, будет не-жать более или менее сносно порученное ему дело, но думать не будет.
 Второй фельетон Брауна не менее инте-ресен. Он повествует любви не к картинам, а к собакам. Английский обыватель и со-бака любят не так, как другие люди. «Ни-что так не возбуждает страсти известнос-ти типа англичан, как предложение отка-заться от содержания любимой собаки ввиду возникшего недостатка продоволь-ствия. Всеми средствами сокращается ро-ждаемость детей, поощряется стерилиза-ция, вводятся безболезненные умерщвле-ния людей, но не трогать наших собак. Пострашам мы кажемся в этом отноше-нии, как и в столь многих других, не-много помешанными. Быть может, так оно и есть».
 Вполне самокритично, но все-таки су-масбродно. После обстоятельного разбора достоинств и недостатков собак в сравне-нии с кошками и людьми автор фельетона пишет: «По справедливости мы должны признать, что собаки грязны, производят много шума, их содержание обходится до-рого, они доставляют много хлопот. И все-таки большинство англичан не мо-гут бы жить без них и оплакивают их смерть, как смерть собственных детей. Это свидетельствует о возвышенной натуре со-бак, которые способны в такой степени заставить забыть о своих недостатках и сделать себя столь необходимыми для счастья семейного очага».
 Собака — милое животное. Пусть все, кто желает и может, заботится о своих собаках. На наш взгляд, это стубно част-ное дело. В Англии это общественная проблема. Война разбивает семейные оча-ги, но собака погрязшему остается их опорой, дает им уют. Да, для собак это большая заслуга. Но историю делают лю-ди. И когда в такие серьезные моменты мысли людей так заняты проблемой со-держания собак или проблемой избавления от мыслей, то становится несколько ме-нее удивительным, что эти люди так пло-хо делают свою историю.

Народ молодой союзной Карело-Фин-ской республики выбирает сегодня депутатов в Верховный Совет совет-ской республики и в Верховный Совет СССР.
 Когда я перебрался в памяти все встре-чи с знакомыми мне деятелями карело-финского народа — наиболее яркими обра-зами, — встают передо мною образы двух людей, жизни которых так непохожи друг на друга, так различны, но которые вместе с тем являются яркими вырази-телями характера и судьбы карело-финского народа. Первый из них — Тойво Антикайнен, деятель мирового рабочего дви-жения стальной школы, рожденный фин-ским пролетариатом.
 Когда прозвонит имя Антикайнена, встает перед глазами образ пролетарского вожака, смелого, решительного, всегда принципиального, не щадящего своей жи-зни в борьбе за победу пролетарской ре-волюции. Сын трудового народа (отец его был гельсингфорским обойщиком), Ан-тикайнен в дни своей самой ранней молодос-ти уже пробоялся к тяжелой жизни финских пролетариев. С молодых лет во-шел он в массовое рабочее движение, бу-дущим одним из видных организаторов гельсингфорской рабочей молодежи.
 Когда в 1918 году вспыхнула финлянд-ская рабочая революция, одним из пла-менных вожаков гельсингфорского проле-тарната был Антикайнен. Несмотря на свои молодость, уже прославившийся как незаурядный организатор и оратор пред-варительной революции мы находим товарища Антикайнена среди делегатов урядитель-ного съезда коммунистической партии Фин-ляндии. Съезд этот принял письмо в Ленин, которое в то время лежал, ранен-ный пулей подлой австрий — агента англо-французской разведки... Это было письмо, показывавшее, что революционные деяте-ли финского рабочего класса — и в их чис-ле Антикайнен — навсегда становятся под Ленинские знамена.
 Великое значение каждого интернацио-налиста в те дни была защита отечества трудящихся всех стран, на которое надвигалась полчища четырнадцати империали-стических держав. И товарищ Антикайнен становится во главе тех революционных

Сказочный депутат и депутат-сказочник

Геннадий Фиш
 рядов финнов, которые пришли на по-мощь молодой советской стране. Он берет в руки оружие. Он воюет и учится в ин-тернациональной военной школе военному делу, чтобы лучше победить врагов ре-волюции на полях войны. Он дерется про-тив английских интервентов на фронтах Советской Карелии как комиссар финско-го полка Красной Армии. Он участвует в разгроме Юденича, и именно его рота за-хватила у интервентов первые танки. Этот эпизод очень хорошо известен всем — многие знают его по кинокартине «Мы из Кронштадта», но мало кто знает, что в жизни это было предельно ротой интерна-циональной военной школы, ротой Ан-тикайнена. Тойво Антикайнен командует от-рядом при подавлении белофинского мятежа в Кронштадте, отрезав с отрядом своих лыжников финляндскую границу от мятежников.
 Он командует лыжным батальоном при разгроме белофинской карельской авантю-ры. Нужно было обладать незаурядным военным талантом, находчивостью, храбро-стью, физической выдержкой, чтобы так блестяще выполнять задание революции, как это выполнил отряд Антикайнена. Об этом походе ныне поются песни. Милли-оны граждан знают о нем по кинокартине «За советскую родину», и многие читали книгу «Падение Кимасозера», посвящен-ную Антикайнену и его отряду. Здесь мы в самых белых строках напоминаем о той огромной роли, какую сыграл этот отряд в разгроме финляндского белофинского мятежа, в борьбе за неприкосновенность Советской Карелии.
 Осенью 1921 года отряды белофиннов, переброшенные в Карелию из-за границы, опираясь на местное кулачество, подняли восстание. Регулярных частей Красной Ар-мии в Карелии почти не было. Части Красной Армии, сформированные в цен-тральных губерниях республики, не умели воевать на севере в трудных условиях бездорожья, среди густых лесов, болот и оз-ер.
 Нужно было в кратчайший срок выпя-тить интервентов с советской земли. Борьба с ними велась в условиях: безлопастных, с детства привыкшие ходить на лыжах, легко уходя-щих в преследованиях их красноармей-цев. Красноармейцы, не знакомые с лыж-

цествами, чтобы он ни с кем не мог даже переступившись. На прогулку его выво-дили одного. Боась его агитация, устрои-ли замок так, что он отворился только двумя ключами и каждый из этих ключей был у другого тюремщика. Входить к за-ключенному могли только два надзирате-ля сразу, и один контролировал другого.
 Освобожденный из тюрьмы полами Красной Армии, Тойво Антикайнен с при-сутствием ему жаром сразу же входит в активную жизнь страны. Он разежает по республике, встречается с избирателями, выступает на митингах в Петрозаволске, Коми, Ухте.
 «Большое счастье быть гражданином СССР, большая честь быть депутатом Вер-ховного органа советской власти... Если вы изберете меня депутатом, я буду чест-но служить народу. Сейчас много гово-рит о походе лыжного отряда курсантов интернациональной школы в тыл белофин-нов во время гражданской войны, говорят о нашем героизме. Мы только выполняли свой долг перед рабочим классом. Об этом долге я помню всегда».
 Так закончил свою речь, выступая в центре района Калевалы, тот человек, о котором при жизни пишут повести, а народ складывает былинны и сказки.
 Уме самое название района, переимено-ванного так в дни столетия поэмы, древ-ние руны которой были записаны здесь под осоней на лесистом берегу северного озера Куйто, вызывая в памяти имя дру-гого депутата — Матвея Михайловича Кор-гуева, члена союза советских писателей, который с большим трудом, и то совсем недавно, научился подписывать свою фами-лию.
 Ему 57 лет, и только в 1936 году он впервые попал в город — в Петрозавол-ск (правда, однажды в молодости он ходил на корабле в Архангельск, но был там зор-лема на борту), и все же жизнь Матвея Михайловича богата содержанием. Сын на-роста и бедная помощь, он вырос в мо-лодом матери карельскую народную ку-даль. Но и русский язык был его родной стихией. Обладая замечательной памятью, с раннего детства выпитый он руны, сказки, былинны, бывальщины.
 Рано потеряв отца, до 9 лет ходил он по миру, но рабочим поморским станови-

ФАКТЫ, ЦИФРЫ

Архив А. М. Горького к настоящему моменту насчитывает свыше 70 тысяч архивных единиц. Среди них — около пяти тысяч горьковских рукописей отдельных его художественных и публицистических произведений, статей и набросков.

Писем А. М. Горького собрано до настоящего времени в его архиве около шести тысяч. Это, вероятно, меньше половины писем, написанных великим писателем за его жизнь.

Архив беспрерывно пополняется. За последний год приобретены рукописи сказок «Яшка» и «Случай с Евсейкой». Получены рукописи рассказа «Золотен» и отрывка «Песня о соколке».

В дар от Екатерины Павловны Пешковой в архив поступила записная книжка А. М. Горького, относящаяся ко времени его поездки в Америку и к первым годам его пребывания на Капри. Другая записная книжка А. М. Горького передана архиву Надежды Алексеевны Пешковой.

Первый листок этой записной книжки носит заголовок «Эпиграфы». Здесь великий писатель записывал собственные афоризмы и интересовавшие его мысли великих писателей и ученых Запада.

Н. А. Пешкова передала также 65 набросков и заметок, сделанных рукой А. М. Горького. В этом материале — черновые наброски его, относящиеся к роману «Дело Артамоновых».

В знаменитый фонд А. М. Горького передано в этом году около 600 его писем. Это письма к Д. З. Мехлису, Н. А. Семашко и писателям Д. А. Фурманову, С. Сергееву-Пенскому и др. В частности, архивом получена большая коллекция писем А. М. Горького к К. С. Станиславскому. Они были написаны в связи с первыми постановками в Московском Художественном театре «На дне» и «Мещане» и заключают авторские пожелания и характеристику действующих лиц этих пьес.

В музей передан поданный писателем в сентябре 1932 г. Совнаркомом Армянской ССР ковер с искусно вытканым портретом А. М. Ковер этот является замечательным произведением народного мастера Армении Довлет Коран Фельян.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького подготовил художественный альбом, посвященный жизни и творчеству писателя. В альбоме собран большой документальный художественный материал. Его издает издательство «Искусство» под редакцией академика И. Луппола, С. Туманова и А. Тихонова.

На днях возвращается из Белорусской ССР организованная Музеем А. М. Горького передвижная выставка. Построенная на оригинальных материалах, выставка эта вызвала большой интерес среди бойцов Красной Армии и трудящихся Белоруссии.

Передвижная выставка демонстрировалась в следующих городах: Минск, Брест, Белосток, Гродно, Полоцк и Бобруйск.

Горький в Сорренто (2 мая 1930 г.). Фото Л. Робина.

Горький о современниках

Сергей СОЛОВЬЕВ

Встречи Горького с людьми — это слово соображение исследователя с материалом, который он постоянно изучает, «пытается» в стремлении познать своеобразие человеческого мышления, в ненастной жажде глассата нового класса, пришедшего в мир, чтобы сказать свое слово. Для него человек — неистощимый источник, в котором он находит все новые возможности и новую пишу для своего творчества.

«Я — человеконеклюшник и буду им до конца дней моих», — писал Горький Толстому, и все его творчество посвящено раскрытию и описанию жизни человека на примере одной биографии («Фомка Гордеев»), то в калейдоскопическом повествовании, то в калейдоскопическом повествовании, то в калейдоскопическом повествовании, то в калейдоскопическом повествовании.

В стихотворении в прозе «Человек» Горький писал: «Наше слово «Человек» в груди моей словно солнце загорается. И вижу его горючее тело, его глубокие, споловинные глаза. Затерянный в пустыне вселенной, движется он мужественно вперед и выше по пути к небесам, над всеми тайнами земли и неба, и, шествуя к своей заветной цели сквозь туман печали, он восклицает: «Я создан для того, чтобы разрушить все старое, все мелкое и злое, и новое создать на выкованных мыслях позвонках усталых свободы, красоты и уважения к людям. Смысл жизни вижу в творчестве».

В характеристиках Горького нет следов безразличия, неведения, — он полон желания видеть новые и новые творческие черты в человеке.

Первое впечатление от очерков — перед нами живые люди со своими повадками, своей манерой общения с окружающими; люди плоти и крови, люди живого дыхания.

Толстой у Горького: «сухонутый маленький, серый... лохматый... Удивленно поднимал лохматые брови и, пуляв на меня острыми глазами, поглядывал на нестерпимый, пропитанный огнем». «Молчал он винуительно и умело, как настоящий отшельник мира сего».

Внешний образ человека у Горького — не статичный, описанный данности рисунком — он движется, развивается, обогащается все новыми и новыми чертами.

«У него удивительные руки», — пишет он далее о Толстом, — «некрасивые, узловатые от расширенных вен и все-таки исполненные особой выразительности и творческой силы... Иногда, разговаривая, он шевелит пальцами, постепенно складывая их в кулак, потом вдруг раскрывает его и одновременно произносит хорошее полновесное слово».

У большинства пишущих о том или ином большом человеке, до знакомства с ним произвольно, подсознательно складывается его облик, показанный его произведениями, устанавливается свое отношение к художнику как к человеку.

Впоследствии бывает трудно осознаться от предвзятой точки зрения. Поэтому часто портрет художника оказывается лишним обстоятельством, он искажен предрассудком или антипатией.

В способности к отстраненности, к стороннему видению — одна из причин неуязвимости свежести воспоминаний Горького.

Он показывает нам свои зарисовки, лишенные какой бы то ни было претензии на внешнюю занимательность, фактуальность, даже связность. Горький приводит примеры, высказывания, факты, — материал почти аналитический, почти исследовательский. Шаг за шагом, черта за чертой он все полнее, все тоньше определяет его своеобразие, его силу и слабость.

В настоящем, познавательном стремлении создать предельно правдивый образ писателя он почти всегда воздерживается от обобщений, предоставляя конечные выводы делать читателю.

Толстой у Горького совершенно непохож на Толстого, канонизированного в записках его почитателей. «Лев Толстой был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия», — пишет Горький и постепенно раскрывает нам эту сложность, подмечая множество тончайших противоречий.

«Немного на однообразие проведи своей, безгранично разнообразен этот ска-

мочный человек», — пишет Горький, и в своей маленькой книжке множеством примеров раскрывает сложное и трудное величие внутреннего мира Толстого. И маленькая книжка Горького делает это с такой убедительностью, чем, худшие и восторженные томы его почитателей толстовцев.

Горький не привел свои разрозненные записки о Толстом в какую-то единую систему, но от этого они стали еще более убедительными и свободными.

В некоторых характеристиках Горький не удовлетворяется одним лишь аналитическим материалом: характеризует наиболее дорогих, наиболее ценных им людей, он пишет для них синтетический образ, наиболее характерную деталь портрета, как бы раскрывающую перед читателем его внутренний мир.

Он пишет о Ленине: «Коренастый, плотный, с черным Соколом и всевидящими глазами, он перед собой принимал странную и возможную комическую позу — засунул голову назад и, наклонив ее к плечу, сунул пальцы рук куда-то помышляя, за жидет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно-неунывающее, и весь он, в такую минуту, светился радостью, величием лица окаянного мира сего, прекрасным человеком, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти, ради осуществления дела любви».

И столь же выразителен портрет Толстого. Горький шел к нему в Гаспру берегом моря и увидел: «На самом берегу, среди камней, заметил его маленькую, угловатую фигуру, в сером помятом трико и скромной шляпе... И он показался мне древним, ожившим камнем, который знает все начала и цели, думает о том — когда и каков будет конец камням и трав земных, воды морской, и человека, и всего мира, от камня до солнца. А море — часть его души, и все вокруг — от него, из него. В залучившей непонятности старика пощупалось нечто вошедшее, царское, углубленное во тьму под ним, пылкое ушедшее вершиной в голубую пустоту над землей, как будто это он — его сосредоточенная воля — прибывает и отбывает волны, управляет движением облаков и тенями, которые словно шевелят камни, буяют их».

Несколько в ином плане написаны воспоминания о Чехове. Сам Горький признает, что «о Чехове можно написать много, но необходимо писать о нем очень мелко и четко, чего я не умею».

Эти записки как бы навеяны чеховскими настроениями. Не столько воспоминания, сколько этюд о человеке тонком, хрупком, гуманным, потонувшем незаметно в болото. О Чехове Горький написал совсем иначе, чем о Ленине и Толстом: образ Чехова в записках отточен, дан в одну краску, но с чудесными, впрочем, оттенками.

«В его серых грустных глазах почти всегда мягко искрилась тонкая насмешка...»

«...он говорил всегда с какой-то особенной, едва уловимой, нежной и смущенной улыбкой в глазах...»

Но и этими маленькими, еле замеченными штрихами перед нами «чертен образ Чехова».

В Чехове все — смелая скромность, чуткая деликатность.

Некоторые черты в этом, почти импрессионистическом, очерке прямо драгоценны. Горький пишет: «Как-то раз мне Толстой возмущался рассказом Чехова — кажется, «Душенькой». Он говорил: «Это как кружево, сплетенное целомудреной девушкой: были в старину та-

кие девушки-кружевницы, «векшущи», они всю свою жизнь, все мечты о счастье влагали в узор. Мечтали узорами о самом милоте, всю нежность, чистую любовь свою выливали в кружево».

Толстой говорил, очень волнуясь, со слезами на глазах.

А у Чехова в этот день была повышенная температура, он сидел с красными пятнами на щеках и, наклоня голову, тщательно втирал пенку. Долго молчал, наконец, вздохнул, сказал тихо и смущенно: «Там опечатки...»

В этом очерке нет попытки переосмыслить образ Чехова, дать его в столь же новом аспекте, как это сделано в очерке о Толстом, где словно из отдельных сырых, огромных необработанных глыб, перед нами встал новый образ гения, такой же неопределенный, каким являлся когда-то памятник Бальзаку, вылепленный Роденом, столь удививший всех своей резкостью, силой и величием.

В своих очерках Горький особенно бережно, с особенной любовью останавливается на моментах раскрытия творческого дара, профессионального мастерства художника.

Его интересуют ораторские приемы Ленина, помогаемые им неоднократно с большой тщательностью.

Когда Ленин говорил, пишет Горький, то он «не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обходя его тончайшим смыслом... Его рука, протянутая вперед и немого понытая вверх, ладонь... как бы вращивала каждое слово, отсевичая фразы противника, заменяя их вескими положениями, доказательствами...»

В очерке о Толстом дано много примеров удивительной чуткости Толстого к формам речи, к языковым особенностям письма тех или иных писателей, стилизации народной речи, всегда всевидящего Толстого. Толстой целый день наслаждался расказанным ему Горьким сном о пустыне, расказанном Горьким сном о пустыне, расказанном Горьким сном о пустыне, расказанном Горьким сном о пустыне.

«Сопити-то идут, — жутко, а? Сосем пустые — топ, топ, а снесок поскрипяют! Да, черт!»

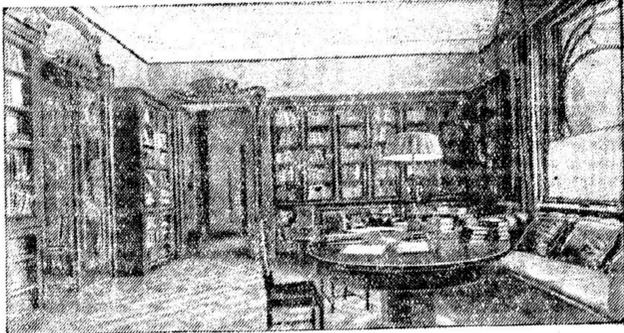
Мастерство расказа, выразительность чтения всегда тщательно подмечаются и анализируются Горьким. Читавший и расказывавший сам изумительно, он всегда стремился показать читателю раскрытие творческого дара писателя в моменты выступления, чтения, разговора.

В очерках Горького всегда чувствуется не столько отношение к описываемому человеку, не столько любование им, типичное для эстетов, Горький к большим людям питает такое же сочувствие, как и к маленьким, так как многие из них, несмотря на свою славу, столь же несчастны, столь же мучаются в душах и непонятных теснотах жизни и так же требуют поддержки, как и люди безвестные.

Писатель Каронин вызывает в Горьком «острое чувство сострадания». «Я... ошуптал, — пишет он, — что это человек мучительно, упорно задумался...» Именно поэтому Каронин вызвал столь пристальный интерес Горького, посетившего его теплым и обстоятельным очерком. Совершенно так же и индийский Архип, и писатель Кошубовский, и петербургский писек Софья Андреевна Толстая — все это несчастные люди, требуют не только внимательного и бережного подхода, но и поддержки, и в своих записках Горький слово поднимает человеческий образ, охватывает его от сокровенных его теней в каком-то почти небесном процессе воскрешения.

Чехов сомневался в том, что Толстой не был счастливым в жизни, но Горький допускает это, потому что: «замалчивали люди, изучены, раздвинены страшно и все окутаны одиночеством, которое высасывает душу». Для таких людей Горький находит самые теплые, самые живые слова.

Любовь, заинтересованность, близость — необходимые предельно для того, чтобы Горький мог создать превосходный портрет человека и именно потому его воспоминания о Толстом и Ленине самые лучшие из всех им написанных.

Библиотека А. М. Горького. Москва, М. Никитская, 6. Репродукция с рис. художника А. Д. Корина. Оригинал — в Музее Горького. Заметку о библиотеке А. М. Горького см. на 6-й стр.

Б. РОМАНОВ

Беседа о драматургии

из записной книжки

Весна 1935 года. Ветряный солнечный день.

Алексей Максимович сидит за столом у окна, похлывая сигаретой, и глядит на меня внимательными глазами из-под парных бровей. Впервые вижу его так близко. В светлом сером костюме, стройный, несмотря на некоторую сутулость, Горький сразу располагает к себе застенчивой улыбкой. Неожиданно пропала. Меня поражает его лицо своей необычайной выразительностью, словно по этому лицу, строгому в раздумьи, иногда пробегает облака, и, оживляясь, оно озаряется вдруг неопределенной улыбкой, и кончики бровей уходят вверх к вискам, и уши слегка вздрагивают, и такая теплая ласковость сияет в смиренных чертах. Горький много курит, презирая отказывающегося. Его голос густой и низкий, тоже меняет свою окраску, становится то теплее, то суровее...

Из окон льется яркий прозрачный свет. Алексей Максимович откладывает мушкетера. Синеватая струйка дыма растекается в воздухе. Слегка наклонившись над столом, потирая руки, Горький спрашивает, давно ли я работаю, где учился, из какой семьи. Узнаю, что я был актером и мои детские годы связаны с театром так как и родители мои были актерами, Алексей Максимович заинтересовался, какие роли я играл...

«А это немаловажно для драматурга», — говорит он, улыбаясь — весьма существенно...

Говорим о тесной связи нашей драматургии с театральным производством. Это связь Алексей Максимович расценивает как положительное явление.

«Но это имеет и свои слабые стороны», — говорит Горький, — режиссеры часто трактуют вещь по-своему, не считаясь с автором. И это нехорошо...»

Актер не всегда понимает новый образ, и часто играет не то, что в нем выражено, а нечто к этому подошедшее, из своего старого репертуара...

«Совершенно правильное замечание. Часто актеры не видят жизни. Слишком полагаются на свое искусство. Мне самому приходилось наблюдать, как актер играет одно, а жест у него непохожий. Не такой, как должно. Разумеется, не все, есть очень талантливые актеры... Они быстро схватывают самое существенное...»

Я прошу его поделиться со мной мыслями о том, как надо работать драматургу. Горький слова закуривает. Откинувшись на стуле и приподняв брови, он говорит сначала медленно, выговорливо...

«Драматургия — самый трудный жанр. Наш брат прозаик может заставить героя смеяться в зеркало или так думать о чем-нибудь. Драматургу все приходится выражать через действие, через поступки. А техника еще у нас слабовата. Мне много еще приходится читать... Пешлоко пишет, но не то... Неудобно берет. Писать надо густо. У нас мало техничной записки... Очень мало... Возьмите какую-нибудь старую пьесу, у французских хотя бы. Помню такую... «Граф де Ришор» Сору. В сущности петербургская пьеса, но по конструкции сделана зрелая. У французской техника бодрее. Как у них все зрелое! И чисто внутри. Сейчас им вообще нечего прощивать... Надо глубже смотреть. Больше изучать людей. К характерам присматриваться. Ведь это же основа... А что такое характер? говорит Алексей Максимович и делает энергичное движение, сжимая правую руку в кулак и потрясая ею в воздухе: это, говорит, человек с характером, — значит, силу имеет... В нашей драматургии характеров мало... Все очень поверхностно... И критика мало помогает... А что говорить о критике? Вот у меня тут письма есть, одна лодка пишет о том, какое сходство между Гитлом и Шпенглером... Простая лодка. А как умно... Некоторым критикам не вредно было бы прочитать... Да... Главное, разумеется, видеть жизнь... К мелочам присматриваться... Писать в мелочах много не просчитывается... Тут как-то у волеволиной палача стали стариков со старухой и наблюдали игру. По-прежнему, а потом он ей и говорит: да, говорит, а вот мы с тобой прощали и не играли...»

И, добродушно усмехаясь, Горький вставляет, а затем продолжает молчать: «Новый человек пришел... И этого человека надо брать глубоко. В сущности, старое еще много в нем спит, по как это спит — показать. Какие конфликты происходят между новым повенением и старой моралью... А как меняются люди! Вот мне рассказывали, как один вор в прошлом, «вечныйный вор», попал на работу на заводы прииски... Приходит он к начальнику и заявляет: «Узнайте меня, я могу и здесь работать... Тут вокруг золото под ногами, как мусор валется, а я за него столько мук претерпел! Уничтожьте его надо...» Вот оно как... Много я пьем получаем. Ездить приходится мало. Не могу. Золото не то... Надо понять одно: проклятая, павловская провинциальная невежеством, грубостью, дилетантством становится всеобщей инерцией, инерцией уже стала... А инерция часто возится с интеллигентом, который с советской властью то соглашается, то не соглашается. То походит, то отойдет на полвершка... Смешно это, товарищи литераторы! Дерзости мысли у

много участников мировой войны, расказывают мне, пока я жду назначенного для открытия собрания часа. Все лица отечены печалью лишений и нищеты. Многие побывали на передовых работах. Все эти люди перешли границу бедности, кто на лодке, кто перешагнув через Альпы; они рисковали жизнью или восторженной каторгой.

Когда секретарь профессор объявляет собрание открытым, все напрягают слух. После короткого обращения на французском языке он предостерегает слово мне.

«Прямо чем приступить к докладу, у нашей делегации сообщать вам товарищи, о нашей делегации утрате. В Москве умер наш великий Горький... Больше я ничего не могу сказать... И тогда все эти трагические переживания столько горя и лишений — и каторгу, и жестокий произвол, и тогда спитая вдали от семьи, под вечной угрозой ареста и ссылки, все они как один поднялись с мест и, обнявшись головами, застыли в глубоком молчании.

Горького знают и любят во всем мире. Но особенно знают и любят его в Италии. И не только потому, что он голыми жил там, создавая свои замечательные произведения и участвуя в борьбе за освобождение рабочего класса. Итальянские рабочие любят Горького прежде всего за то, что из всех писателей и поэтов, писавших об Италии, он один писал об итальянском трудовом народе, о его жизни, о его страданиях. Кто может сказать, сколько бумажки и чернил израсходовано, сколько бумаги и чернил израсходовано, венчанские голыши, ломберские асы, репузукко Ривьеры, Помпею, Безувий, Ватикан и Кирилати, марокко и кьянти, Юлия Цезаря и Льва XIII? Сколько вхоновенных страниц, сколько презренных книг написано об этом! Но никто не умеет писать о чудесной природе нашей страны с такой необычайной простотой, как Горький, и, что еще важнее, он один писал об итальянском народе, о его жизни и борьбе.

Вот почему Горького так знают и любят в Италии и почему его смерть являлась таким тяжким ударом для итальянских рабочих.

И подумал, только, что в те дни мы и не подозревали, что Максим Горький был жертвой гнусного злодеяния прямо-тропической банды! Когда это стало известно, итальянские рабочие были потрясены до глубины души. В редакциях коммунистических газет поступали от рабочих, рабочих, интеллигентных сотни писем, горячо одобряющих приговор, вынесенный протестарским судом.

Рабочие слушают доклад сия на груди кичиричи, на бровях и на языке. Потом председатель читает проект резолюции с продолжением бороться за требования, выдвинутые профессором строителем, и отключает прения.

Первым выступает старый каменщик. Выстраивая на импрессионизованную трибуну — вымазанную известью тележку, обремененный, изможденный, но полный решимости, он похаживает на один из горьковских типов.

«Я голосую за забастовку. Надо бороться, чтобы победить. Вы помните, что писал наш Горький. Помните «Мать». Русские рабочие победили и освободились после тяжелой борьбы».

Собрание кончилось, но никто не уходил. Меня обступили со всех сторон и зашептали вопросами о СССР, о Сталине, о Горьком, о жизни рабочих и крестьян, о советской молодежи. Поздно ночью мы покинули вервь и возвращаемся в Ниццу.

Вместе со мной едут двое моих земляков — стрелочники рабочие. Один, по профессии каменщик, проведет два года в ссылке. Другой, совсем еще молодой парень, членоварный, отбыл два года каторжных работ за принадлежность к комсомолу.

В те времена как манила мичина по берегу моря, молодой рабочий рассказывает мне о жизни итальянских молодежи и о отношении на нее книг Горького.

«Как приятно», — говорит он, — «раздобыть Горького очень трудно. При облоках добывают. Но ребята, которые интересуются чтением, сумели добыть немало книг Горького от комбисанции. Больше всего читают «Мать» и «Сказки об Италии». Я прочитал «Мать» в тюрьме... В тюрьме? — справал я его.

«Да, в тюрьме», — ответил, улыбаясь.

Подождем и Ницце — земчужина Лазурного побережья.

В кафе на площадях Гарибальди рабочий тремко читает обужившей его кучке людей статью о Горьком, напечатанную в местной газете народного фронта. Со слези расклевывающего по совету клуба на нас смотрит большой портрет Алексея Максимовича в черной раме. И кажется, что он тоже слушает члена, задумавшись с папироской в зубах...

Согласившиеся выслушать слезливых коммунеров с помощью Блюмов и Лью уинчужают произведений Горького во Франции. Но разве этим писемам по плечу бороться с таким гигантом мысли? Свежая кампания этих презренных наемников империалиста против французского пролетариата обречена на такой же позорный провал, как и их злобные вылазки против свободной страны, превращенной в питейный социализма партия Ленинна — Сталина, против страны, которой отдали свой гений и всю свою жизнь Алексей Максимович Горький.

Дж. Джерманетто

СИЛА ПИСАТЕЛЯ

Свой первый париж — Люси — Срединное море уносит меня в Лазурному побережью.

В Ницце готовится всеобщая забастовка. Много мелких предпрятий уже захвачено рабочими. Вступают работники отелей и ресторанов — самой крупной отрасли промышленности Ниццы.

Всеобщая забастовка, вспыхнувшая через несколько дней, охватила и местный транспорт, но стачечный комитет дал нам для развозов автомобилей. Ночью мы уехали на жужжащую, чтобы отпраздновать в итальянской границе, в окрестности Ментоны, где я должен выступить на собрании профсоюза строителей, на 95 протестантских. Стою в ожидании перед большим магазином, занятым служащими, на входе пяток женщинами. Читаю последние телеграммы из Парижа, выставляемые на витрине комиссионера «Eclair» по мере их поступления.

Шофер уже запускает мотор, когда я читаю только что полученную телеграмму: «В Москве умер известный русский писатель Максим Горький». Стою онемевший, ничего не понимаю. Умер! Шофер окликает меня, Сажусь в машину. У таможенного заставы Виллафранка громкоговоритель Радо — Париж сообщает о смерти нашего великого Горького.

Значит, правда? Я вижу его дома, вижу на трибуне с бала писателя, вижу рядом с Роденом. Мне кажется, я слышу его голос... Перебегаю книжечку Мозаю. На возмущенности — замк, далее — знаменитое казино, один из акционеров которого, вырвав со многими другими капиталыстами, является его святыней, глава католической церкви, римский папа.

А вот и Ментона, раскинувшаяся на склонах горы, с веревкой, над которой пока еще не развевается красный флаг. Рабочие нас ждут. В этой обстановке только можно найти людей всех возрастов. Здесь

вам мало. Возьмите нашу науку, какие гигантские успехи она сделала. Взять хотя бы Институт экспериментальной медицины. Скоро выйдет книга, которая перевернет все вверх тормашками. Молодые ученые наши, Сперанский и другие, держат. А драматургии нет... И еще мало у вас коллективиста. Опыт коллективной работы — «История фабрик и заводов» — дает неплохие результаты... Я за него стою. Люди учатся работать по-новому. А у вас коллективиста совсем мало. Вразбор как-то живете... Мало учиться...

«А у кого из драматургов следует учиться?»

«У Шекспира, У Мольера».

«Трудно у Шекспира».

«Зато все очень правильно и логично — у него. Какой-нибудь слуга, ведь это же за прелесть! И очень большая страсть... И не надо бояться типизировать... Образ надо преувеличивать. Обязательно. Возьмите Дон-Кихота или Тартюфа...»

«Вы, наверно, знали вашего Артамонова?»

«Несколько людей в нем. Такого в точности я мог и не знать, а многих знал... Помню еще был один горьковский голова в Нижнем. Безобразник, буян...»

«Вы его вывели в «Достигаеве»?»

«Но там он не такой вышел. Это большая была фигура. Вся старая Россия в нем. Такого изобразить — и какая страшная картина получается... Небольшую типизировать... И еще застрявший дельце надо выдеть. То, что сегодня — будущее, завтра — уже настоящее. Показать, куда все идет... У нас много лароных драматургов, но мало интеллигентных».

Мы говорим о языке. Алексей Максимович подчеркивает необходимость изучения народного языка, фольклора...

«Богатство языка происходит от знания того, как народ думает. Язык надо изучать. Но выдумывать язык не следует. Живыми больше, разнообразнее, ярче... И не злоупотреблять разговорной речью...»

О своих пьесах Горький говорит не любит, слово не придет им того значения, которое они имеют. «Булдичев», правда, написан неплохо. Алексей Максимович знает в Нижнем не одного такого. А вот «На дне», по мнению Горького, слабая пьеса, «движения в ней никакого, и образ Луки нехорош...» Вообще о своей драматургии он говорит недолюбливая. Начинает усленно покашливать, сердито сдвигает брови.

«Что обо мне говорить? Драматургия неважная...»

К Ибсену Алексей Максимович относится с большим уважением, но учиться у него не рекомендует.

«Знать его, разумеется, необходимо, учиться по-моему, у него не надо. У него все очень правильно, но он запутать может... Что, например, по-моему, нашим драматургам?.. Больше жизненного материала. Похвать за людей и набрать... А то уж очень поверхностно, иногда до того наивно... Но учить в пьесах не надо. В пьесе все должно выражаться через действие. Учить зрителя не следует. Он сам выведет, что ему полено. Я сам учил в своих статьях, прибавляет Алексей Максимович, поглаживая усы: но этого не надо делать. На меня сердятся, но мне уже за 65, оттого может быть...»

Беседа переходит к необходимости изучения писателем различных наук, философии.

«Литература знает пулю много. Очень много... Особенно сейчас... Укоротительная философия обязательна, но страшная вещь. Раньше это Шпенглер, или сейчас это Липсе. Все обрывает внутри. Религия всегда упала человека, а тут его совсем лишают зрения, внешнего мира, воли... Страшная штука.

Мы говорим о жанрах. Горький особенно горячо отзывается на мысль о создании новой комедии.

«Тут особый шар пужен, говорит он, смеясь. Хорошей комедии никогда в сущности не было в России. Фольклор, Гоголь, Сухово-Кобылин. И обещая. Очень трудная, но благодарная вещь. И сейчас много высмеять не худо бы: то старое и гнилое, что мешает расти новому... Разве человека нет, что говорит оля, а думает другое... Много еще таких... Хорошая комедия прямо необходима. И как народ любит комедию... Юмор в прозе у него... Мне кажется, добавляет Алексей Максимович, подумав, что у нас как-то мало уважает ремесло драматурга. Надо поднять уважение к этому трудному ремеслу. Разумеется, и драматурги должны в этом и критика... Вот давайте себеберем как-нибудь за чем, в тесной компании, и все эти вопросы обдумай: о коллективной работе, и о жанрах, и о театре, и о критике. Напишем такую статью в газету и подпишемся. Ведь такая чудесная жизнь у нас, и театр в общем превосходный, и драматургия должна быть первоклассная... И будет, можно с уверенностью сказать. Не может не быть... Давайте больше, товарищи драматурги...»

Ухожу взволнованный, и в моих ушах еще долго звучит глуховатый низкий голос...

«Часы на башне»

Когда заходит речь о коротких рассказах для маленьких детей, всегда вспоминают о Ване, который без спросу съел сливу и после запылака, о пожарной собаке, спасшей куклу, о ласточках, замуровавших в гнезде живого воробья, об акуле, которую убила из пушки старая артиллеристка. В течение многих лет эти маленькие истории справедливо считаются непревзойденными образцами этого жанра.

Как педагог, учившийся писать у ясновидящих школьников, и как величайший писатель, которому одинаково близки все возрасты человеческой души, Толстой утверждал в рассказах для детей действительность, ясность и занимательность сюжета, законности и простоту языка, единственность морального вывода, отсутствие описаний, психологических размышлений и лирических отступлений.

В советской детской литературе мастером рассказа для детей был Борис Житков. Он рассказывал почти всегда о животных, о дальних странах, о прошлом.

Очень интересно теперь рассказывает детям Зощенко. Три его книжки для дошкольников: «Умные животные», «Самое главное» и «Рассказы о Ленине» — самое значительное явление в нашей литературе для детей за последнее время. Рассказы Зощенко радуют прежде всего тем, что в них — наше время, наши люди и — самое интересное, наши дети.

Зощенко очень хорошо понял «самое главное». Да маленького ребенка не существует отделимый проблем: каждый шаг его крошечных ног — это и познание мира и завоевание его, и физическая тренировка, и этический поступок.

И, вероятно, потому, что природа великого настоящего поэта, художника сложна с природой ребенка, Зощенко чувствует себя с детьми просто, непринужденно и лучше, чем со взрослыми — добрее и веселее. Он даже позволяет себе, писателю, прямо входить в рассказ и выражать свое мнение в конце или в середине, давать советы и наставления, на что не решился сам Толстой. И дети принимают всегда немалое удовольствие в книге рассказчика как живого и настоящего, им очень нравится, что он говорит: «тигри» — эти нахальные животные» или «сравнительно умная кошка».

В «Рассказах о Ленине» Зощенко искал пути к детям: как рассказать маленькому человеку о большом и великом? Ведь ему невозможно объяснить ее существование, кто такой Ленин, что он сделал для своей страны и для всего мира, для каждого ребенка и для всего человечества. По детям угадываю, как взрослые, и понимают, глядя на взрослых. И свое суждение о чем-нибудь ребенок создает, либо соглашаясь со взрослыми, либо протестуя.

Зощенко в своих рассказах дает Ленина через отношение к нему окружающих его людей, простых и понятных детям и его профессии и по психологии (врачественный, рабочий, певец, пчеловод) и авторитетный для них. Все, что детям трудно понять в образе Ленина, вложено автором, в отношении этих людей. Ленин же является в этом отношении простым, трогательно-скромным человеком, великодушным и глубоко человечным. Такое сочетание высоко понимает для читателя престиж народной власти и в то же время показывает великого вождя близким и доступным народом, читающим, детям.

В новой книге Льва Кассиль «Часы на башне», очень тонко используя этот же прием, Кассиль еще углубил его. Часто бывает так, что, чего не может обшить ребенку взрослый, легко разъясняет другой малыш. На этом и построил Кассиль свою книгу. В ней шесть рассказов о детях. О пионере Борьке Строкове, который на физкультурном параде, заглянувшись на трибуну и размечтавшись о том, как он отвлечется и заслужит похвалу, сбился с ноги и сбил весь свой отряд. О Володе и Наталье, которые в саду ждали дорогого гостя «на С и Т и А», и спорили, кто сильнее всех в мире. Об Олеся Пружак из белорусского села, которая встретила Красную Армию — освободительницу и трогательно послыдала в рупор прокомандировавшего привет товарищу Сталину. О маленьком «бое», который далеко «за границей».

Лев Кассиль. Часы на башне. Детиздат. 1940.

в чужой заморской стране» хранит у себя портрет Сталина, а чтоб не узнали, но отняли, «загипнотизировал» портрет — приставив к нему черную бороду и широкополую шляпу. О маленькой дочке летчика Лене, которая велела ночью потушить свет в комнате и старалась уснуть, потому что, «когда товарищ Сталин увидит, что все делается, как надо» во всей Москве, по всей большой стране, он тоже сможет спокойно лечь спать.

По существу, это шесть рассказов о Сталине, о Сталине-командире, который учит забывать себя и помнить свой долг, о Сталине — друге детей, о Сталине — освободителе, о Сталине — надежде всего мира, о Сталине, у которого так много забот и который «думает о каждом» из нас. Конечно, книгу Кассиль никак нельзя причислить к «биографическим», как книгу Зощенко о Ленине. В этих шести коротеньких рассказах нет ни точных сведений, ни эпизодов из биографии великого вождя, ни воспоминаний товарищей и очевидцев.

Образ Сталина дан в книге через отношение детей, он живет в каждом рассказе, становится больше, яснее, ближе к каждому рассказом.

Оправку же эмоциональную всей книге, музыкальный тон дает «бой часов на Кремлевской башне». Правда, маленькие читатели редко сами слушают этот бой даже по радио — в полночь они спят в своих постелях, а во время парадов они гуляют по улицам и приветствуют войска. Но они очень хорошо слышат «бой часов» в книге Кассиль. Эта книга — действительно их книга, им она адресована, о них и для них написана, она интересна им и волнует их. Они все понимают и радуются, угадывая сразу, кто был таинственный невидимый «гость» у Володи и Натальи.

К сожалению, не все рассказы удались Кассиль. Многие страницы в книге написаны пером очеркиста. В противоположность Зощенко, Кассиль входит иногда в рассказ как журналист с «лейкой», и герои рассказа — дети словно начинают его поговаривать для него, становятся вдруг такими, как их описывают в первоначальных очерках фельетониста — от них же первый есть Лев Кассиль. Оттого и «спор о силе» кажется чересчур приуменьшенным, фокусным, фельетонным, и «Олеся Пружак» — только моментальная фотография.

Совсем неудачен первый рассказ «Слова командира». Он вызывает сразу в памяти образ поручика Ромашова из «Юности» Бунина. Это воспоминание настолько ярко и сильно и настолько не в пользу Кассильского Борьки Строкова, что можно только удивляться, как автор не предвидел сам неизбежности и невыгодности сравнения.

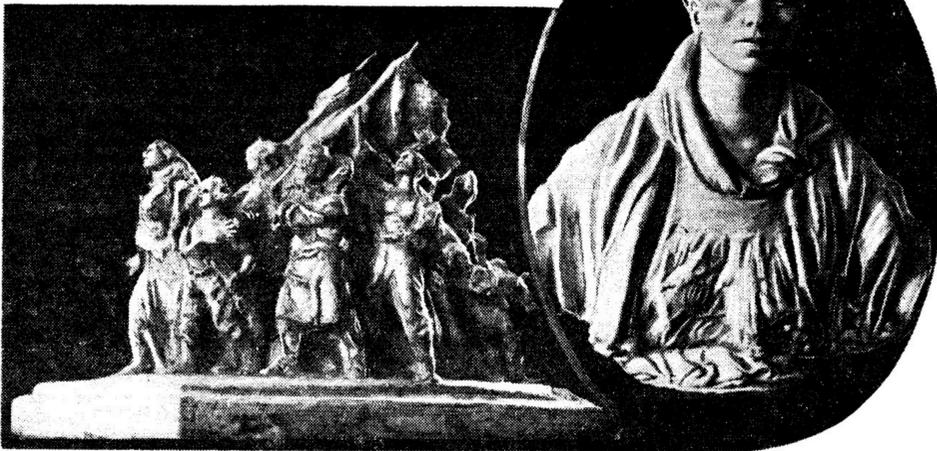
Рассказ «Портрет» — наиболее «детский» с точки зрения принципов Толстого. На протяжении всего 4—5 страниц Кассиль разворачивает занимательный, почти приключенческий сюжет, по которому даже четырехлетнему ребенку, маленькому читателю из этого рассказа узнает много нового для себя. Моральный вывод сделан без всякой натяжки, самим героем рассказа. Только в языке нет ни толстовской предельной простоты ни зощенковской «сравнительно умной кошки».

Прочие другие, более «наполненные» детские рассказы «Гость» и «Ночные заботы».

Лев Кассиль не участвует в ночном разговоре отца и маленькой дочери, он заставляет их тихоно разговоривать охоту, поздно ночью, на восьмом этаже большого дома летчиков в Москве. «Из окна комнаты хорошо видна вся Москва. Можно разглядеть Кремль вдали. Горят на башнях красивые звезды. А ночью, если ветер дует отсюда, тихо доносится бой часов на башне Кремлевской башне: — Би-би, бум-бум-бум, ба-ба-ба!...»

И читатель вдруг видит в самом деле и этот дом, и летчика, и крошечную девочку, и «Кремль вдали» и слышит бой часов на башне и спокойный уверенный голос летчика: «Часовые на страже. Моряки на местах. Тесту подходит. Печатные буквы выстраиваются в слова. А те, кому сейчас полагается спать, давно спят и видят хорошие сны...» И девочка засыпает. Она пошла уже, она знает, что «заутра у всех будут свежие головы, свежий хлеб, свежие хорошие новости» в той стране, где она имела счастье родиться.

ДЕКАДА БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ. Эскиз и фрагмент скульптурной композиции работы Н. Я. Рапопорта «Освобождение Западной Белоруссии».

Поэт и родина

Елена ГОГОБЕРИДЗЕ

«Как женщину, ты родину любила», — писал Некрасов о Добролюбове. Эти слова могут быть полностью отнесены к младшему его современнику, грузинскому поэту Акакию Перетели. У родины для Акакия не этнонический лик, она — не отвлеченность, глаза ее томят от горя, или светлы, как горные озера, поэт то тревожно, то влюбленно, то гневно следит за их выражением — ему никуда от нее не уйти. «Не покидай», — прощит он родину, — живого ли, мертвого ли, укрой меня своей кровлей... О, бирюзово-изумрудная, родимая моя страна!»

В девятнадцатом столетии не одной только Грузии выпали на долю непокая унижения, распад, смертельное утомление. Поэты Германии, Италии, Испании оплакивали родину и мечтали о ее возрождении. Но лишь самые пламенные из них отдавались так безоглядно и полно, как Акакий Перетели, теме родины, и, воспевав ее, нашли такое богатство красок и оттенков чувств. Родина ему и мать и возлюбленная, она страстная, слабая девушка, ослепленная страстными шербетом, она — «целительница скорбей», «скала в храме мироздания».

В первых своих стихотворениях на тему о родине, написанных в Петербурге, в «Гнетных помыслах» и «Свирели». А. Перетели еще сохраняет связь с поэзией романтиков. Он темпераментнее их, краски у него ярче и гуще но все же эти произведения условны и лишены характерной и лишь призыв к борьбе, провозглашение в нескольких строках в «Свирели», свидетельствует о том, что в грузинскую литературу пришел полновесный поэтический язык.

Акакий Перетели возвращается в Грузию совсем не таким, каким он, четыре года назад, юной покинул Кутаис — стремился к военной славе. «Эти четыре года, — писал И. Чавчавадзе, — были фундаментом жизни, первоначальным этапом, волевым, который судьба, точно место, переключила между светом и тьмой». Это было время Чернышевского, Добролюбова, Писарева и Некрасова. Под неясные мечтания о счастье родины был положен невообразимо глубокий фундамент. Приходило думать о перестройке всего человечества. Однако никто при этом не считал, что збота о человечестве должна заключить збота о родине. А. Перетели уже не может, подобно «отцам»-романтикам, бесслодно мечтать о золотом веке. Его волнуют насущные нужды и материальный быт родной страны. В этом отношении он оторвался от романтической традиции грузинской литературы.

Ни земли, ни небеса я не сын, не певец. А пою все, что вижу живое, И язык только повторяет, что слух От других уловил и проверил. Или то, что привидел пророческий дух, Или что глаз увидел и измерил.

Продолжая оставаться лирическим поэтом, Перетели с полным сознанием своего общественного долга берется за сатиру.

Любовь поэта к родине разжигается ненавистью к врагам ее, ненависть делает его любовь еще более страстной и благоуханной:

То сердце не научится любить, Которое устами ненавидит, — писал незадолго перед тем Некрасов.

И А. Перетели: И жалчь смешал с алмазом драмат, Прельбавив горечи и меду. Восторги мимолетных грез И слез к борьбе за свободу. Одним — как нож, другим — елей...

Акакий Перетели не только превосходно разбирается в причинах вырождения имущих классов, — он без обиняков называет своими именами все их пороки. Эгоистическое и ничтожное дворянство «словно вой, подчинилось врагу». Оно «порочит имя великой Грузии» ложью, вероломством, завистью, взаимной ненавистью. Чины и подлость служат нам указом, Упрощая ала и зависти несут.

Поэт мечтает о времени, когда «сузла излучит лже-грузина от недугов». Он чувствует ту архаическую часть грузинского народа, которая когда-то определяла судьбу страны, а теперь блещет «стальным презрительством» и изучает «науку подлости».

Образ родины в произведениях А. Перетели двоятся, расщепляется, мерцает тумане. Поэт то хоронит возлюбленную, то верит, что она «лишь уехала возжаждать отдыха», и «испробуешь», всех называет по имени, кто нынче не забыл ее».

Одно из очарований поэзии А. Перетели — ее оптимизм. Приступы отчаяния, приводящие к мысли о смерти, сменяются верой в победу, верой в жизнь, в народ, в его будущее. Нежность Акакия к детям коренится глубоко в его натуре и окрашивает его общественное сознание. Его «колыбельные» — их много у Акакия — неоспоримо тому доказательство.

Ты расти, мой месяц ясный, полною луной, Слейся разумом и сердцем со страной родной, — баюкает он «нежного мальшуга», зная твердо, что «крабства тень не коснется глаз твоих певниной».

Восемьдесятые годы принесли Грузии обостренную реакцию. Большинство грузинских шестидесятников, в том числе И. Чавчавадзе, перешли на более чем умеренные либерально-национальные позиции. Тремя отчаяния и гибель завладели на время поэзией А. Перетели. Но и теперь он далек от покорной пассивности и геологических мечтаний романтиков-отцов: «Пусть не приходит жизнь к нему с бубном и смехом, когда сердце сломаю и голова поседею!»

Теми же мотивами отчаяния и укоризны полно его «Пробуждение», в котором поэт мечтает о часе, когда, «оковы родины святой кровью», он встретится с прославленными в честных боях предками и за-

поет: «О, чонгур, моя гордость, моя сила, мое перо, порою горячий фантик сердца, порою балласт для раны!»

Неблагоприятные общественные условия восьмидесятых и девяностых годов угнетали поэта, но, «подвернув колени потуже», чтоб в струнах был высочайший строй, он продолжал «служить правде своим звонким чонгуром». Мастерство А. Перетели растет, стих его становится еще более научным и совершенным. В «Возлюбленной» он умоляет страну свою «быть твердой в опасности, как Нестан-Дареджан». Изумительны по чистоте и тонкости чувства «Мухаббаби» и «Рассвет». В «Рассвете» А. Перетели называет родимый край — «краем бирюзового неба, изумрудной земли». «Рассвет» звучит, как пророчество о возрождении родной страны, хотя о возрождении не сказано ни одного слова в этом стихотворении, полном безыскусной тоски. Так же музыкальны по силе своего воздействия и пленительны по интимности своей «Перед женой» и «Сулико».

Когда разразилась революция 1905 года, А. Перетели было шестьдесят пять лет. Но коли его чонгур были подвержены так же туго, как в юности, и «сугубетель», услышав стон его звонких струн, узнал раскаяние и страх».

Достоинство быть отмеченной подлинная злобность вещей А. Перетели, относящая к 1905 году. Мелочливостью «Рассвета» или «Сулико» заглушается грохотом проходящих мимо революционных батальонов. «Долой правительство, долой!» — написано так, что его можно читать в походе или на баррикаде. Такого же сосредоточенного силою блещет «Книжка», который, волю или неволю, является отзвуком на дерзновенный «Книжка». Ему суждено слова «защеркать, пробуждая угнетенных», ружиком его сожмет не взвешенная, а «железная рука»:

Бей, вышкал мой, наповал, Чтобы мать врага рыдала... Ты пощарай мне седлину Черной вразгосею кровлю. Враг застонет — не выдрогну И не измяно дорогий...

В стихах, обращенных к родине, поэт дал больше, чем обещал дать: создавая свою «программу», он еще не знал и сам, что его «пламенная и нежная любовь» к родине не удовлетворится песнопениями. Он не был деятелем в прямом значении этого слова, но он всегда стремился стать и быть деятелем. Отсюда его вечная неспособность, требовательность к друзьям, готовность осуждать их за малейшую неосознанность, отсюда его сарказм, публицистика, поэзия с ледяными по глумим утолкам Грузии. Он стоит на грани между словом и действием, как ныне — это стихотворений стоят на грани между словом и музыкой.

Акакий Перетели дал своим современникам и потомкам больше, чем мечтал дать, оттого-то он и признан народным поэтом.

Конференция писателей Мордовии

В прошлом у мордовского народа не было не только литературы, но даже и письменности.

Но народный поэтический талант мордвы не угасал. Народ создавал свои песни и передавал их из уст в уста, из поколения в поколение.

Обо всем этом говорил в своем докладе на созванной недавно 2-й республиканской конференции мордовских писателей научный сотрудник Мордовского института языка и литературы тов. Маскаев.

Наиболее развитым жанром в мордовской литературе является поэзия. Известна всему Союзу знаменитая орденосец Фекла Игнатьевна Безубова.

Популярны в республике поэты Алексей Лукьянов, издавший 6 сборников стихов и роман в стихах о гражданской войне «Кинель», Микуд Эрбак, вступивший в литературу позднее, но уже выпустивший книгу стихов и большую поэму «Песнь о Раторе». Поэт Курторкин сдал в печать роман в стихах «Лазурь». Это произведение, рисующее борьбу мордовского народа в далеком прошлом против русских и мордовских князей, является значительным событием в мордовской литературе. Известны в республике поэты П. Кириллов, Басканов, Гайли, Фролов, Пинягин, Чумаков, Бебан, Прончатого, Коломанин.

За последнее время проведена большая работа по сборанию поэтического наследия крупнейшего мордовского поэта Михаила Безуборова.

Значительно выросла мордовская проза. До недавнего времени проза была представлена лишь Тимофеем Райтановым, написавшим ряд крупных произведений, в числе которых армян роман «Чихан Пандо чло» («Под Чихан горой»). Теперь мы имеем целую плеяду молодых талантливых прозаиков, из числа которых в первую очередь надо назвать Коломаса, опубликовавшего 1-ю книгу романа «Ловитов Ичим», Карасева (сборник рассказов «Чудный сад»), Родкина (книга «Деревенских рассказов»), Чекашкина («Рассказы и повести»), Радаева.

Большое внимание на конференции было уделено драматургии. Значительнейшей мордовской драматургии надо считать Иосифа Петрова, написавшего первую пьесу еще в 1904 г. Следующий этап в развитии драматургии представляет пьеса в стихах И.М. Безуборова к сожалению, не законченная им. В 1939 г. впервые была поставлена историческая драма П. Кириллова «Литова», рисующая участие мордвы в движении Степана Разина. Затем появляется комедия из колхозной жизни — «Проклятый Коломаса». Слава театру пьеса М. Эрбак «Кнут и флейта».

Огромное значение для развития культуры мордовского народа и укрепления его дружбы с народами Советского Союза имеет работа мордовских писателей в области перевода. В настоящее время вышли на мордовском языке книги избранных произведений почти всех русских классиков и крупнейших русских советских писателей, сборник стихов и поэм Т. Шевченко, Коста Хетагурова, опубликованы переводы ряда произведений Ламбула, Стальского, Куламы, Коласа, Ивана Куратова и других.

Все эти достижения мордовской литературы значительны. Тем не менее они были бы неизмеримо большими, если бы в развитии союза писателей Мордовии сосредоточились все свое внимание на творческих вопросах. Однако правление занималось только лишь бытовыми делами. На правлении не обсуждались новые произведения, а в тех случаях, когда таковые обнаруживались, они плохо подготовлялись, носили крайне поверхностный характер.

Все это же могло не отразиться на качестве произведений мордовской литературы, о достижениях и недостатках которой говорили в своих докладах писатели Велькалов и Карасев.

Не малую помощь могла бы оказать писателям критика, но серьезных критических работ совершенно нет. Конференция указала новому правлению на необходимость организации критической секции и привлечения лучших литературоведческих и преподавательских сил к ее работе.

Таим же голосованием в состав нового правления избраны тов. Безубова, Карасев, Эрбак, Курторкин, Родкин, Воронин. Ответственным секретарем правления избран тов. Филиппов.

А. МОРО

Столетие Абая

10 августа 1945 года исполняется 100 лет со дня рождения великого акына казахского народа — Абая Куланбаева.

Совнарком Казахской ССР принял решение о всенародном праздновании 100-летия поэта. Решением Совнаркома для подготовки юбилея создана специальная комиссия.

Анна КАРАБАЕВА

ОЙРОТСКИЕ СКАЗКИ

Вот был на Алтае, тот видел, как величавы его горные пещи — Чуйские и Катунские Алтаи, как сверкают на солнце острые шапки его снегов. А кто был на горных тропах Алтая, тот достоял пил чистый, полобный воздух этих высот и выдал аромат алтайских лугов, покрытых яркими цветами. Кто слышал шум круто падающих алтайских рек, рокот алтайских водопадов, тот никогда не забудет их, как милую сердцу песню. Вот был в городах и селах молодой советской страны Ойротии, кто видел в чувствовал сердечность, широту душе, правдивость и смелость народа алтайских гор, тот никогда не забудет его братской приветливости.

В алтайских сказках с большой силой отражены природа страны и дух ее народа. С каждым годом все шире расширяется перед русскими читателями да и перед самим ойротским народом сокровища ойротской поэзии. Немногочисленные записки революционного времени, доступные, кстати, только узкому кругу специалистов, давали неверное представление как об ойротии, так и о жизни трудового народа. Дореволюционными исследователями прихотливо иезило дело с прайшей вершущей — баями и зайсаями, которые всеми способами замалчивали творчество сказителей и певцов, воспевавших свободную мечту народа. Сталинская кружба народов открыла и собрала великие

Ойротские народные сказки. Новосибирск. 1940.

все живые творческие силы ойротского народа, в которых заключен неисчерпаемый источник этических сказаний, народной мудрости, свежести, оригинальности и фантазии.

Любимые герои ойротских сказок — лучшие сыны народа, плоть от плоти его. Вот, например, розословная сказочного богатыря Темпир-Саапа:

На земле хаов одноименных — Духу братьев Ели-Текк венасатных. Вязались на сыных конях, Голы свои считают позабышии Алячи — бедный охотник Со своей семьей жил. Кроме луков со стрелами, На звериных тропах восторожных, Ничего у охотника не было. Вирогозой жил старик Со старугой Амыр-Чечеп, Силом Темпир-Саапа И дочерью Торго-Чачак красавицей.

Как и в мировом сказочном эпосе, богатыри ойротского народа совершают подвиги, защищают слабых, сырых и стариков, борются с жестокими, звероловными хаанами, которые убивают и мучают парод и его защитников. Так жестокий Ак-Кал обманом захватил и долго изматывал доверчивого богатыря Алтын Эркека, а тая же человеконенавистник, «страшный Тесей-Бан» подвергает брата Алтын-Эркека, старого богатыря Пасаяла мучительной медленной казни, от которой «ум у старика помутился». Характерно, что сказка пугает не преувеличивает силы врага, его кровожадной злобы и коварства. Лютые враги трудового народа — хааны владеют волшебством самого черного свойства, их страшная изобретательность безгранична: «яовитго-горек» звук их колодез, от прикосновения их злобных рук люди превращаются в камень, «желтым ядом» они отравляют плеще моря, свои «черно-стальные сабли» они о «скалы высоко точат»... Мрачное обилие зол, тво-

римых хаанами в сказках, конечно, перешло в язык из жизни, — изнутри трудна была борьба ойротского народа против угнетателей.

«Коврово-чубарный конь» богатыря Келер-Куша и «красавец железолобный, темносерый конь» богатыря Темпир-Саапа неизменно предостерегают богатырей от самоуверенности. Чтобы победить врагов, надо выкоптить много сапы и мудрости. Умные кони ойротских сказочных богатырей советуют молодым великанам не появляться вначале перед врагами в своем естественном виде, а обязательно в превращенном, чтобы услышать позорения злодеев-хапов и выждать их поводыря. Так, по совету своего коня, богатырь Темпир-Саапа появляется перед своим врагом в образе старика-неисчаемого (последний беляк), а красавец конь — в образе «парнишного жеребенка».

Если в наших русских сказках «добрых, быстрого коня» играет большую роль, то в сказках ойротского народа конь для богатыря не только друг, но и как бы часть души богатыря. Назаром богатыря называют своих коней «музыками», они стоят на страже «твердого сердца» и богатырского ума. Горе богатырю, если он хоть на мгновение потеряет мудрость в этой тяжелой борьбе: коварные враги только этого и ждут. Богатырь Темпир-Саапа слаб, как ребенок. Злая красавица, жена кровожадного хаана, наложница бесстрашного богатыря Темпир-Саапа ядовитой армией. Неисчаемый богатырь «в безумстве унал», а конь его, не оставив следа, «в синее небо итчий взвился».

После тяжелых испытаний богатыри возвращают себе и мудрость, и силу, да иначе и быть не может: народная фантазия и нравственные требования ойротского народа совершенно непреложно соединяют мудрость с благородством и добротой. Как бы злобы хааны-эксплуататоры, мудрым им не быть, хитрость и коварство, заме-

няющиеся светом — их обреченность пророчески осмыслена эпосом. Так же пророчески выглядят во всех сказках появление богатыря, который, накопив силы и мудрость, поднимается во весь свой гигантский рост для борьбы с насильем и злом.

Богатырский разум, как сталь, твердым стал. Келер-Куш богатырь железный лук на плечо надел... В бронзовое стремя погу влод, Лемучуками украшенный повод влод, Как птица, в седло взлетел... Коврово-чубарный конь, траву зеленую не прямиа,

Красной похотью летит. Келер-Куш богатырь свирель из-за пазухи вынул, Б альм губам приложил, Пальцами перебрала, заиград. Звери за ним побежали, Зверица не отставая летят, Деревья во след гнутся...

Лирическая приподнятость описаний очень органично соединяется в ойротских сказках с ярким и величавым гиперболизмом: Лучше вчерашнего в десять раз богатырь себя чувствовал, Лишь румянцем покрылось, глаза с озерами схожи, Бровь, словно радуга, изогнулись. Между глазами его тридцать отар овец могут пасться, Между плечами его тридцать табунов лошадей пометиться могут...

Сила добра так велика, что богатырь ничего не стоит в один прием перенести свой народ и его стада в «цветущие ливны», — для этого надо только положить весь народ «в правый карман», а все стада «в левый».

Из правого кармана народ вынул, в цветущих долинах

Вблиз светлых рек поселил; Из левого кармана бесчисленные стада вынул.

На пыльные пастбища отпустил.

Народ платит богатырям за все их подвиги горячей любовью. Семьдесят народов благодарят славному Кара-Мааса, который спас их от семилетних змеев:

Угасавший огонь наш ты зажог, Умиривших нас ты оживил, Солнечный свет нам показал...

В могучую семью богатырей ойротские сказки вводят трогательный образ молодого великана Кулакчина, робкого, простодушного сприты, который, по чрезвычайной скромности своей, даже не похоронивает, какая моль таетя в нем. Сознание силы пробуждает в нем мужественную любовь к красавице Суремеи, которая ездит на «молочно-белом коне». Народно, говорящие «на тридцати разных языках», единодушно избрали Кулакчина своим руководителем.

Многочисленными народами путь управляет сирота Кулакчин На золотом Алтае. Не прилут На стобийше наме клымастые волды, Черного своего меча не занесет война над нашим стобийшем. Стал ты богатырем великим, сирота Кулакчин.

Черная сила тебя не сломит, злое слово тебя не срзнит. Ойротский эпос нежно и проникновенно воспекает любовь, великую созидательную силу ее и непоколебимую верность. Любовь-дружба, любовь-преданность соединяет старого богатыря Нааспия и его жену Алтын-Тууду. Попав в беду, Нааспий выныкает к своей верной жене, и его «скряк прощальный» она слышит за много верст:

Прощай, мой дорогая Алтын-Тууду, супруга, Смерть ко мне приближается...

Старая женщина едет выручать мужа. Хая издается над Алтын-Тууду, замалчивается на нее плещы. И тогда сила любви рождает яростные возмущения:

Быстрее девушки Алтын-Тууду из вюрна выбежала, Горю ее в сердце тоску, слезы из глаз льются.

Луку седла омыгают, по гриве боя рыцария разбегаются. «Дождьшесь, Ак-Бан кровавый», под моей шубой

Богатырь молодой вырастет, в силе тебе, Ак-Бан, не уступит.

Время придет — гибель твою узвину! Иное и непавиств к врагу разжигают силу жизни — старая Алтын-Тууду родила богатыря, который освободил Нааспая и всех угнетенных и разрознил страшного хаана, «чтобы ханский рон навсегда кончился». И опять пророчески звучат слова пагустившей богатыря Келер-Куша народу:

Вы, как деревья в тайге, многочисленны, между собою дружно живите,

Вы, все честные, работающие люди, Хорощими хозяевам богатств будите! Так из глубины веков образца выхолованная речь сказки конесла до наших дней солнечную мечту народа о дружней и справедливой жизни. В эпоху Великой Сталинской Конституции и братской дружбы народов бывшие беляки, а ныне известные сказители ойротского народа Шунетов, Кучинкова и Тутанов передают нам древние поэтические сказания Ойротии, замечательные талантливыми ойротскими поэтом Павлом Кучингом.

Первоначальным сказок — поэтам И. Мухачеву, А. Смерлову и Е. Березинскому удалось в хорошем русском безом стиле передать оригинальность ойротского колорита, свободный ритм народных сказаний и чудесную непосредственность их поэтических образов.

Книга называется «Дикая собака динго, или повесть о первой любви». Она написана для детей. Взрослым она доставляет столько же удовольствия, сколько и детям. В ней сохранены запахи росы, падающей с тонких шипов ежевики, и звук горна в лесу, и вкус кислого мурчавого сока. Воздух повести Фраермана прозрачен — в нем многое видно. В нем узкий стебель травы с верхушкой, сожженной ночным инеем, отчетлив, как будто его рассматриваешь в лупу. Точные определения вещей и зоркие описания природы не просто вставлены в книгу. Они органически входят в самую ткань произведения. Их нельзя вынуть, не образовав зияющих дыр, не прервав мерного течения повести. Действие повести проходит сквозь чисто пейзажные изображения. Описание природы оказывается одним из средств раскрытия личных отношений героев повести о первой любви и о конце детства Тани. Впервые в жизни Тани приобщается к миру сложных и нелегко решаемых человеческих отношений. Жизненный опыт ее внезапно расширяется: приобретено знание не ведомое ощущение — как сложна жизнь!

Так кончается детство. В программах, выпущенных Московским театром юного зрителя к спектаклю «Первая любовь», сообщается, что пьеса и спектакль, созданные по мотивам повести Фраермана, «ставят и намекают на решение ряда сложных и острых вопросов».

По правде говоря, это ужасная чепуха. Ни повесть, ни тем более пьеса Фраермана никаких «вопросов» не ставят и ничего не решают. В том и достоинство повести (да и пьесы), что, поэтизируя сложные человеческие чувства, изображая довольно сложную семейную ситуацию, автор не упирается в мнимую «проблему» и никаких готовых решений не предлагает.

Вот и хорошо, что он не упрости сложных отношений легким их решением. Он лишь отточивал эту сложность.

Тани отчуждается с Таней мамой. У него другая жена. Но он добрый и хороший человек. Однако, если он добрый и хороший, зачем же он разошелся с Таней мамой? Для Тани открылось, что мать продолжает любить его.

«Таня, — сказала мать, — люди живут вместе, когда любят друг друга, а когда не любят, они не живут вместе — они расходятся. Человек свободен всегда. Это наш закон на вечные времена».

В повести, как и в пьесе, две линии отношений. Они параллельны. Линия отношений отца и матери Тани и линия отношений Тани к Боле и Фильке к Тане.

В Тани пробуждается чувство любви к Боле. Тани не сразу догадывается, что это за чувство, как оно называется. А пылкий мальчик Филька и вовсе не задумывается над чувством, которое он испытывает в Тани. Он впрямую, со всей непосредственностью, ему присущей, отлагает этому прощально-ясному чувству, не интересующемуся, как оно называется. Фильке больно видеть, что Тани увлечена Болей. Вот так переплетены и несколько не закрученными, не подогнанными все остается в пьесе, как и в повести. Никто не виноват, все очень хорошо, славы люди, а жизнь сложна. Тем и интересна, что сложна, тем и богата, тем значительна. Одним хочется жить от любви, другим плакать. Слезы на глазах матери Тани — и слезы на глазах пылкого мальчика Фильки. Зато дружба и взаимное уважение объединяет всех этих юных и пожилых людей. То, что печалит их и тревожит, то, что составляет их личную жизнь, — сложно. К счастью, никаких расчужд-

ных репетов для мнимого разрешения этой сложности автор не выдумывает. Для детского театра этот спектакль — начало какого-то нового бытия. В драматургии детских театров еще более, чем в общей драматургии, практиковалось упрощение жизни навязчиво легким решением сложных проблем. Педагогическое значение «Повести (и пьесы) о первой любви» в том, что она заставляет юного зрителя задуматься над сложностью человеческих отношений, проникнуться ощущением этой сложности и, значит, серьезно к ней отнестись. Облагораживающее, воспитательное воздействие этого спектакля очевидно.

Актерам МТЮЗ, должно быть, приятно изображать на сцене настоящие кристально чистые отношения, выражать не упрощенные, но фальсифицированные душевные переживания и детей и взрослых. Актеры играют с видимым удовольствием, с каким, вероятно, и ставил этот интересный спектакль руководитель театра А. И. Кричко.

Зрительно передается это удовольствие. Ему только мешают невольные возникающие сравнения пьесы с повестью, из которой она сделана. Такие сравнения неизбежны, ибо пьеса не только навеяна образами и настроениями повести (как это должно было быть), но буквально выделена из повести. Драматург Фраерман перенял у прозаика Фраермана выразительные средства, свойственные прозе, и перенес их в драматургию. Фраерман поступил так, как будто художественный образ может существовать сам по себе, вне всякого жанра, и быть готовым к вхождению в любой жанр в каком-то неизменном выражении — по первому повелению автора.

Стихотворная строка не возникает в голове поэта вне определенного метрического строя. Нельзя задуматься произведение «свободно», а потом решать, в каком жанре его выразить. Жанр определяется уже в замысле художника. Образ в искусстве и в литературе вне жанра не существует.

Проза от драматургии отличается вовсе не тем, что в прозе пейзажные описания чередуются с разговорными, авторскими отступлениями и размышлениями героя, а в драматургии герои только разговаривают. Разговоры из прозы не могут быть просто перенесены в драматургию. Разговор в прозаическом произведении — только один из приемов изложения (притом даже не самый главный). Разговор в драматургии — единственный способ изложения. Поэтому разговоры в драматургии и по характеру и по построению отличны от разговоров в прозаическом произведении. Природа диалога в драме иная, нежели в художественной прозе.

Повесть Фраермана — очень пыльная вещь. Описания природы в ней служат не украшением, но средством осветить душевный мир героев. Вещь задумана в жанре, в котором она и создана. Все ее составные части «работают» друг на друга. В пьесе органичность эта утрачена. Разговоры из повести, чуть-чуть пополненные, распределены между актерами, а лирические отступления, описания природы поручено читать члену — «От автора».

Хорошо играют актеры (особенно Невская в роли Тани), трогательно и поэтично все, что происходит на сцене, но более всего остается благодарен артисту М. Дагмарову, прекрасно читающему «От автора» лучшие страницы повести — лирические, пейзажные описания. В этих описаниях Фраерман намного сильнее, чем в «разговорной» части повести, из которой составлена пьеса. Это делает честь Фраерману-прозаику и укоряет Фраермана-драматурга. Переделывая повесть в пьесу,

Фраерман должен был бы драматургически средствами выразить настроение своих пейзажных и лирических описаний, а не просто передать их члену.

Спектакль «Первая любовь» напоминает большую раскрытую книгу, страницы которой освещены светом театральных прожекторов. В этом его своеобразии, определенности и характере декоративного оформления. Спектакль оформлен художником Прусакским графическими приемами в духе иллюстраций к книге. Вопреки общепринятой программе (бульто в оформлении применены средства восточного театра и графики) условность этого оформления не столько от театра, сколько от книжной графики. Хорошо почувствовал прозрачность повести, художник-оформитель оставил много воздуха, как и в самой повести. На фоне его графических рисунков, на сцене, не заторможенной предметами, актеры Московского театра юного зрителя хорошо разыгрывают чистую и трогательную повесть о первой любви. Игра их не разноречива — и не только потому, что некоторые из ролей «благодарны», а другие почти не наделены «игровым» материалом. Роль Тани наиболее благодарна, но образ Тани, живущей на сцене, — в такой же мере создание автора, в какой и актрисы. Сделав из повести пьесу, автор не заменил баллетристические описания драматургическими средствами выражения. Но так как эти описания в повести призваны освещать и раскрывать образ Тани, то в пьесе образ оказался беднее, нежели в повести. В пьесе, но не в спектакле, потому что отнято у Тани автором возвращение ей в танцевальной игре актрисы Л. Невской. Очень верны в ее игре собственные возрасту Тани движения, переходы, интонация, по счастью — без всякой стилизации и подчеркнутой инфантильности. Сложные переживания Тани раскрыты актрисой глубоко и переданы в душевной ей полноте.

Артист П. Гарин играет пылкого мальчика Фильку. Национальная принадлежность Фильки отнесена к элементарным легким интонациям. Чувство Фильки, любящего Таню той любовью, которая сама еще не знает, как высказаться, выражены с большой искренностью и правдивостью. Однако внешние данные актера не соответствуют изображаемому им образу. Требуется по меньшей мере три акта, чтобы в четвертом перестать замечать, как Филька не по возрасту велик и грузен. По началу это вызывает недоумение.

У В. Плянского зато все данные, чтобы изобразить мальчика Колю, и пользуется он этими данными в полной мере. Естественность, что мешает ему, — это излишняя фразатоватость костюмов, в которые одевает его. Не нельзя оправдать стремление к общей парадности спектакля, потому что это стремление должно было бы распространиться в одинаковой мере на всех. Филька тогда бы не выглядел рядом с Колей таким ослепительным. Эффекты напичканы — отец и мать Фильки (П. Алексин и Е. Захарова), что роли их весьма немногословны, а роль матери и вовсе почти без слов. Л. Эвстинова играет Марию Семеловну, мать Тани, мягко, хорошо опущая изображаемый образ. Остальным актерам явно недостает драматургического материала, хотя Ю. Федоровский в роли отца Тани мог бы значительней использовать то, что ему отпущено автором.

Спектакль, созданный сотрудничеством балетриста с театром, вызывает благодарный отклик зрителя, образованного тем, что человеческие отношения представлены на сцене в их правильной сложности, целомудренном благородстве и поэтической привлекательности.

Декада белорусского искусства в Москве. В Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького выставлены произведения художников БССР. На снимке: картина художника М. Н. Моносона «Встреча танкистов».

СТИХИ АРКАДИЯ КУЛЕШОВА

Чтобы убедиться в поэтическом даровании того или иного поэта, достаточно иногда прочесть одно-два стихотворения. К таким поэтам принадлежит Аркадий Кулешов, молодой белорусский поэт. Его поэзия, представленная 11 стихотворениями и небольшой поэмой «В зеленой дубраве», проникнута той лиричностью, без которой слово — пустой звук, а техника стиха становится скучной и утомительной игрой для читателя и опасной — для поэта.

Но не только своим глубоким лирическим хором стихи Аркадия Кулешова. Не обладающая сильным голосом, необходимая для патетической темы, он не наследует характер своего таланта и уходит от общих мест риторики, которая при его поэтическом средствах могла бы стать раздражающим и назойливым недостатком.

Именно этим Аркадий Кулешов отличается от многих поэтов-сверстников. Его темы — дороги родной Белоруссии, сельские пейзажи, жизнь в колхозах, реки и леса, сады, полные шума и жизни, любовь к своей матери-родине и нежное преклонение перед великим Сталиным. Это нежное и глубокое чувство любви к товарищу Сталину выражено у Аркадия Кулешова в стихотворении «Отец», которое в свое время было попастащено в «Комсомольской правде» и еще тогда заставило меня перечитать его несколько раз подряд.

В нем повествуется о начале войны, «когда вдруг заиграют горы», и он придет в своей маленькой дотуре в детский сад прятаться:

Прозрачен ключ под яблонькой зеленой,
Струя журчит прохладным серебром.
Я зачерпну себе воды студеной
Твоим смехом и грустным восторгом.
Закружится над нами в час разлуки
Моем шепотом случайно сбитый лист.
И березку возьму тебя на руки
И убавлю под штиль свист.

Аркадий Кулешов, «Дубрава», Гослитиздат, 1940.

Дрлыи, председатели комбеды в эпоху борьбы с панской Польшей и партизана. Этих же героев мы видим и на волнующей картине художника Паппевича «Белорусские партизаны у товарища Сталина в Реввоенсовете Западного фронта».

Если сравнить этот коллективно творимый образ растущего на глазах борца за свободу и счастье белорусского народа с образом юного Микхаса из «Новой земли» Якуба Коласа, который тоже искал «светок счастья», то на тонких путях ясно можно увидеть, как далеко шагнул возрожденный революцией белорусский народ.

Еще разительней этот контраст выявляется на жонских образах. В народных песнях и легендах, в классических поэмах Якуба Коласа, в стихотворениях Якуба Коласа замечательны трагические образы страдальцев, какою была белорусская женщина в прошлом. Микхас Климкович в своей исторической поэме создал образ свободной и независимой женщины Катерины и старой Маршны, этой белорусской Медеи, жестоко мстившей пану за смерть сына. С исключительной теплотой и бережным вниманием изображает художники и поэты Белоруссии новую, советскую женщину своей родины. Всему Союзу известно трогательное стихотворение Янка Купалы «Алеся», и широко популярны его «Лен», «Тем, кого люблю», «Я — колхозница». Путь к этой поэтической женщине, о которой поэт Янка Купала, ярко показал Якубом Коласом на судьбе Антонины. Взяв пули, сразившая Андрея, помещала ей насладиться счастьем, которого она добилась, страданиями и борьбой. Но за ней лободит в борьбе за новую жизнь такие девушки, как Альбина из либретто Микхаса Климковича.

Синтетический образ освобожденной белорусской женщины прекрасно дан скульптором Роллопортом в женском бюсте, олицетворяющем освобожденную Западную Белоруссию. Задумчивая радость и воля к большой счастливой жизни чувствуется в этих широко раскрытых глазах.

Огромная жизнеутверждающая сила включено в это белорусское искусство и литературы, великой народной радостью озарены они. Оттого в таком неудержимом ритме несет народный белорусский талант, когда он возникает у партизан «В пушах Полесья» или струится вихрем «Лявонихи» в «Сольвей». Оттого так органично вырос и этот первый белорусский балет — «Сольвей». Оттого так быстро была создана белорусская опера.

После праздника декады еще шире и уверенней будут развиваться белорусское искусство и литература, в такой же неразрывной связи со своим народом, строящим новую жизнь под сталинским солнцем.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

ПОД СТАЛИНСКИМ СОЛНЦЕМ

Закончилась декада белорусского искусства в Москве. Фактически это была декада и литературы. С исключительным успехом прошла встреча белорусских писателей и поэтов со слушателями Военно-политической академии им. Ленина в их лагере. Особенно проникновенно читались и воспринимались стихи о Красной Армии и освобождении Западной Белоруссии; трогательно и необычайно поэтично лада прозвучал от русского поэта Алексея Суркова. Союз писателей провел беседы с белорусскими писателями об их драматургии и литературе. И, как заключительный аккорд декады, подошла в Москву новая, только что вышедшая из гомельской типографии богатая и радостная по содержанию книга стихов Якуба Коласа «Под сталинским солнцем».

Этим названием хорошо описывается и ведущая идея всей декады. В эти дни мы с восхищением, все возрастающим, соображали и изучали произведения всех видов белорусского искусства, из которых некоторые, как, например, опера и балет, могут быть названы в точном смысле этого слова рождением. Мы видели искусство народа, освобожденного революцией от столетнего гнета, возрожденного ленинско-сталинской национальной политикой и только что пережившего счастливый момент в своей истории воссоединения со своими, еще недавно зарубежными, братьями.

Гордый и независимый, но сгибающийся под двойным гнетом, белорусский народ показал нам в новом, советском искусстве прекрасный расцвет тех особенностей своего характера, которые раньше, в старом строе своей жизни, он не мог раскрыть полностью: обязательную ласковость в человеческих отношениях, безудержный темперамент в коллективном веселье, открытое безстрашие лицом к лицу с врагом, кристальную чистоту чувства к природе и родине.

Уезжая, белорусы оставляют в сознании москвичей целую вереницу прекрасных образов, то выгнанных из уютной скульптуры из дерева, то брошенных в золотых стихах с трибуны в аудиторию, то сверкающих затейливым узором деревенской вышивки, то вставших архитектурной громадой здания музея освобождения Западной Белоруссии, то рвущихся из оркестра, то сосредоточенных в графической миниатюре, то широко смотрящих на нас с полотна картины.

Важно сразу разобраться в этом бо-

Рядом с декадами хочется поставить их вступок. В поэмах и стихах поэтов старшего поколения — Янка Купалы и Якуба Коласа — не раз с потрясающей силой рисовалась жестокая судьба ребенка в старой Белоруссии. Страшную песню пела метель Степану, похваченному за лекарство для умирающего сына и замерзающему в поле (поэма Янка Купалы «В Филипповки»).

— Сына, слепой, ты залумал спасти? Ну, для чего же так стараться? Сидя тебе было век горевать, С мачехой-долой сражаться?»

Немало и других неслыханных сцен он про сирот старого времени. Есть такие песни и у Якуба Коласа: про Василия, сына лесника, про пастуха Шинку, которую его матери приходится будить до зари. Не тая жизнь живут дети советской Белоруссии. Ученица балетной школы БССР Кати Белоусова в балете Крошнера «Сольвей» исполняет роль Катюши.

Сколько очарования, смеливости и внутренней свободы в этом роде! Таковы же «Мальчик» и «Молодой музыкант» в картинах-портретах Космачева и Вера. Таков же хлещок из известного стихотворения Янка Купалы «Хлещик и летчик» и прозаический Микхас из любимой детской книги Якуба Коласа. Этого же Микхаса с новой стороны показывает Якуб Колас в предельном стихотворении «Дроник».

Много еще можно бы привести примеров детских образов из белорусской литературы, и все эти образы говорят о неудержимом росте и процветании советской Белоруссии, о радостной и сознательной ее устремленности к будущему.

В центре зала Белорусской выставки возвышается мощная статуя работы Грубе. Спокойной силой и готовностью, если надо бороться, дышит эта фигура молодого белорусца. Скульптор дал широко обобщенный образ. В нем можно разглядеть те же черты, которые хотел выразить скульптор Грубе в музыке балета «Сольвей»: задумчивость, благородная простота, любовь к жизни, ненависть к врагам народа. Символ «Сольвей» кажется ожившим «Белоруссом» Грубе, особенно, когда он, как Самсон, потрясает колоны гористой тюрьмы-беседки или раскидывает насевших на него гайдуков. Еще более полное раскрытие этого образа дается в Микхасе Подгорном, герое одноименной оперы Тикоцкого по либретто Петра Бровка.

Прием из поэмы, вернемся к хлещику.

Могучий и славный костер полыхнет! — говорит этот батрак, ставший борцом за Октябрьскую революцию. Таков же и Андрей, борющийся за «светок счастья» в старое время. Образ Андрей-Симона Микхаса перерастает далее в образ Давида

ТВОРЧЕСТВО ДРАМАТУРГОВ БЕЛОРУССИИ

Московские гости, белорусские писатели, работающие в драматургии — З. Вядуля, В. Вольский, П. Глебов, И. Гурский, К. Крапива, М. Климкович, М. Лыньков, Е. Романович, К. Чорный и критики А. Кучар и Модель присутствовали 13 июня на очередном заседании комиссии по драматургии, театру и кино.

Первые национальные комедии, — сказал в своем сообщении секретарь секции драматургов ССР Белоруссии т. Модель, — были написаны еще задолго до революции. Комедии В. Душина-Марцинкевича «Селянка», «Шинская шляхта», «Залетты», зло высмеивающие царское правосудие и одно из выдающихся над членивыми пьесами, с большим успехом шли в драматических кружках Белоруссии. Для этих же кружков создали свои первые произведения Я. Купала, Я. Колас, К. Коганец и другие дореволюционные писатели.

С созданием национального белорусского театра начинается плодотворная деятельность в драматургии режиссер и народный артист БССР Е. Мирович — автор фольклорного спектакля «Машека» и народной драмы о Кастусе Калиновском.

К первым пьесам, посвященным проблемам советской действительности, относятся «Мост» Е. Романовича, «Стеклозавод» («Гуга») К. Кобеда, «Кочегары» И. Гурского. Эти драматургические произведения, к сожалению, страдали еще рыхлостью композиции и однообразием языка. В 1933 году прозаик Кузьма Чорный написал свою первую пьесу «Батьковщина» с полнокровными человеческими характерами. В художественном образе батрака Леопольда Гупки автор показал путь освобождения сельских крестьян от мелкобуржуазных иллюзий.

Четыре года назад в драматургии слова начал работать народный поэт Якуб Колас. В пьесах «Война» и «В пушах Полесья» он создал галерею художественных типов дореволюционной деревни. Самой большой удачей Коласа является классический тип белорусского свободной волеи крестьянина-партизана дед Талаша, в образе которого отражены лучшие черты народного героя.

Значительное количество произведений белорусской драматургии объединено темой многовековой борьбы белорусского народа против польского панства. Этой теме посвящены талантливые произведения «Сольвей» З. Вядули, «Катерина Жерносек» М. Климковича, «В пушах Полесья» Я. Коласа, «Партизаны» К. Крапивы, «Над Березой-рекой» П. Глеба, в которой автор впервые дал образ Серго Орджоникидзе.

Драматические эпизоды на жизни и борьбе белорусского народа с польскими

Тонко и проникновенно Аркадий Кулешов постигает и чувствует природу. Он пишет о ней непринужденно и легко, охватывая рукою постоянного выделенного в свой труд, в свое поэтическое дело. Ясность и простота становятся под его пером как бы воздушными продолжениями изображаемых предметов. Таково стихотворение «Облачко», которое как бы специально создано для хрестоматий. Это отщипывание переносит нас с завистью и с сожалением, что оно не принадлежит тебе. На большинстве стихов Аркадия Кулешова лежит печать продуманного замысла. Они создавались не в день и не в два.

Но в чем же недостаток Аркадия Кулешова? И следует ли писать о молодом поэте, отступая от обычного тона рецензии на эту тему? Эти вопросы напрашиваются сами собой, и я спешу ответить на них закончить мою небольшую рецензию.

Да, у Аркадия Кулешова не все стихи равноценны. Больше того: поэма «В зеленой дубраве» не совсем удалась ему — в ней герои только названы, но реалистически не выявлены, и потому поэма осталась длинным лирическим стихотворением, где имеются удачные частности и нет счастливого целого. Некоторые стихи не закончены — в них чувствуется незавершенность замысла.

Но бывает ли так, что даже у выдающегося поэта все стихи на одном уровне? Мне такие поэты неизвестны.

Что же касается Аркадия Кулешова, то здесь мы в его лице встречаем одно из лучших лирических дарований, и это заставляет меня отступить от обычного тона рецензии, где после каждого «да» следует «но», а после каждого «но» начинаются эти «хотя», «конечно», «да»...

Аркадий Кулешов принадлежит к тому роду лирических поэтов, который остро нуждается в постоянном внимании и чуткой, товарищеской критике. Его поэзия рождает его с нашими лучшими советскими поэтами, знающими природу и жизнь колхозной деревни.

Переводы Нина Сидоренко выполнены с поэтической добросовестностью.

Библиотека А. М. Горького

Библиотека писателя, собранная им самим, неразрывно связана с его творчеством. Состав книг, уклад собрания, подбор тех или иных изданий одного и того же произведения — все это определяет читательские интересы владельца, устанавливает литературные влияния.

Библиотека Пушкина имела себе тщательного описателя в лице Б. Л. Модзалевского, библиотеку Достоевского — в лице Л. П. Гроссмана, но, кроме этих работ, у нас нет библиографически точных и полных описаний писательских библиотек.

Личная библиотека А. М. Горького также до сих пор не имела своего описателя и исследователя, хотя такая задача обещается тем, что все книги Алексея Максимовича, оставшиеся после его смерти, тщательно сохраняются и в основном сосредоточены в одном месте — в его московской квартире на Малой Никитской. Всего здесь насчитывается свыше девяти тысяч томов, причем доминирующее положение занимают отряды художественной литературы (оригинальной и переводной) и истории литературы. В особый отдел выделены книги по фольклору, этнографии, народному быту. В состав этого отдела, насчитывающего до шестисот названий, в почти исчерпывающей полноте входят все сборники народных песен, сказок, пословиц, поговорок и загадок, все труды Киреевского, Афанасьева, Ореста Миллера, Барсова, Весновина, Онуфриева, Шейна, Рубинкина и других наших фольклористов.

Рядом с этими классическими работами не мало реликвий, почас даже курьезных изданий, примечательных в бытовом или историческом отношении и порой имеющих в этом смысле значение первоисточника. Тут мы найдем знаменитого в свое время «Популярника, князя тьмы» — «Быль? Не быль? Сказка ж и не сказка» (Москва, 1909). Эта книга, переведенная с немецкого и представляющая собою памфлет на Потемкина, служила чтением для великого писателя еще в годы работы на народную кухню у Смурого. Вышедший впервые в 1794 году на немецком языке, памфлет этот был написан неким Альбрехтом по инициативе Платона Зубова. По содвинутым находкам: «История казавок в России в связи с историей русского народа» И. Г. Прикваша (1888 г.), его же «Двадцать шесть московских леже-пророков, леже-вродивых, дур и дураков» (Москва, 1868). «Наставление господским крестьянским девицам», составленное Алексеем Зыковым в форме вопросов и ответов. (1847 г.). Полностью представлены в библио-

те все книги М. Пыляева от «Старой Москвы» и «Старого янтаря» до «Замечательных чудак» и оригиналов, в которых Алексей Максимович пенял рассказам о былом и «дней минувших анекдоты».

История русских земель и городов неизменно привлекала внимание великого писателя: в библиотеке насчитывается свыше 250 книг этой тематики, причем особенно полно представлено описание городов родного Поволжья. Интересуясь историей русского крестьянства и проектируя специальное издательство по истории деревни, Алексей Максимович собрал на полках своей библиотеки около ста изданий по крестьянскому вопросу.

Среди книг библиотеки много и книг на себе следы чтения их Горьким: на полях — заметки и замечания, ссылки и аналогии. Здесь Горький выступает исключительно внимательным и углубленным читателем, и эти книги драгоценны для всякого исследователя горьковского творчества.

Книжное наследство Горького, кроме основного собрания на Малой Никитской, еще имело «филиалы»: около 900 томов находится в подмосковных Горках и около 350 книг в Тессели (Крым), куда А. М. последние годы наезжал для отдыха. Всего, следовательно, около десяти тысяч — цифра внушительная, но не слишком большая, если вспомнить утверждение К. Чуковского, что «всего более интересного, выходящего на русском языке, можно было найти в его библиотеке».

Многие из своей библиотеки А. М. постоянно приносил в дар общественным книгохранилищам, раздал друзьям, знакомым, часто даже случайным посетителям. Нижегородская публичная библиотека, Арамааская библиотека, Институт русской литературы (прежде Пушкинский дом), Всесоюзная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, библиотека Ленинградского Дома ученых получали от Горького пополнение своих фондов.

Горький до конца дней своих «учился», «Меня», пишет он, учили и продолжают учить. Учили: Шиллер и Сервантес, Август Вебель и Бюмарье, Лев Толстой и Владимир Ленин, Шпенглер и Мечников, Флобер и Дарвин, Стендаль и Геккель, учил Маркс, а также Библия, учил анархисты Кропоткин, Штирнер и «отцы церкви», фольклор и плотники, пастухи, рабочие фабрик и тысячи других людей, среди которых я прожил полтора лет сознательной жизни. Я не нахожу, что в школе, которую я окончил, преподавалось и преподается нечто лишнее для меня».

Д. АЙЗЕНШТАТ.

В залах Центрального дома работников искусств открылась посмертная выставка произведений художника Н. А. Клодта. На снимке: пейзаж Н. А. Клодта «Нерви».

В президиуме союза советских писателей Украины

КПЕВ. (От наш. корр.). Состоялось очередное заседание президиума ССП Украины. Президиум заслушал информацию заместителя директора Гослитиздата Украины тов. Милова о готовящемся издании полного собрания сочинений В. Горького на украинском языке.

Издание рассчитано на 18 томов. Оно должно быть закончено в будущем году. Президиум постановил обратиться с открытым письмом к писателям Украины с просьбой принять активное участие в осуществлении этого издания, обеспечив высококачественный перевод горьковских произведений на украинский язык.

Недавно группа переводчиков обратилась с письмом в президиум ССП Украины с просьбой создать при ССП Украины творческую секцию переводчиков (по примеру Москвы и Ленинграда).

Президиум удовлетворил просьбу и постановил организовать при союзе писателей Украины творческую секцию переводчиков.

О работе украинского правления Литфонда информировал президиум тов. М. С. Таров.

Хотя доклад и не имел характера отчета, все же он вызвал оживленное обсуждение. Этому способствовало то обстоятельство, что за последние два года украинское правление Литфонда не успевало созывать ни одного собрания писателей — членов Литфонда.

Как показали выступления на этом за-

седании, в материально-бытовом обслуживании писателей есть немало недостатков, ликвидация которых в значительной степени была бы облегчена, если бы украинское правление Литфонда больше привлекало к своей работе литературную общественность Украины.

Президиум вынес решение, в котором обязал украинское правление Литфонда при оказании материально-бытовой помощи руководствоваться творческой значимостью писателя, искоренить вредные «издательские» настроения, еще проявляющиеся у некоторых литераторов.

Критическая секция ССП Украины совместно с Институтом украинской литературы им. Шевченко Академии наук УССР работает над созданием «Истории украинской советской литературы». Творчеству тридцати писателей в «Истории» будут посвящены отдельные очерки. Большой очерк будет посвящен путям развития украинской советской литературы. Кроме того, ряд критиков работает над очерками об украинских советских писателях для «Истории советской литературы», подготовляемой Институтом мировой литературы им. А. М. Горького.

О состоянии этой работы информировал президиум председатель бюро критической секции ССП Украины тов. Адельгейм.

Президиум ССП Украины вынес решение об издании книги «Украинские классики о литературе». Т. Ю. Мартыну, Е. Кирпичу, Д. Косаричу и А. Кашпельсону поручено разработать проспект этого издания.

Альманах «Узбекистан»

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Узбекское государственное издательство художественной литературы в Ташкенте выпустило альманах «Узбекистан». В нем собраны образцы произведений узбекских поэтов, прозаиков и драматургов за последние 15 лет. Альманах открывается «Письмом узбекского народа товарищу Сталину».

Раздел поэзии — самый обширный в альманахе. Здесь напечатаны стихи Хамзы Хакима Зайна, С. Абдуллы, Гафур Гулама, Х. Алимджана, Гайраты, Шейхзаде, а также поэтов, принеших в литературу 2—3 года назад. — Султан Джара, Темира Фаттах, Шухрата и других.

Значительно больше раздел прозы. Составители почему-то не включили в альманах образцы произведений такого крупного прозаика, как Садретдин Айни. Выны прозаик Гафур Гулам представлен в альманахе одним только рассказом — малюго не лучшим.

Наиболее интересными в этом разделе являются пять рассказов Абдуллы Каххара

— единственного в Узбекистане мастера короткой новеллы, и отрывки из неопубликованного еще романа Айбека «Кутлуккан» («Благородная кровь»).

Драматургия советского Узбекистана представлена в альманахе произведениями Ишона, Сайра Абдуллы, Умарджана Исмаилова, Сафарова, Исмаиля Зайна, Туйгуна. Удивляет тот факт, что составители не оложи нужным напечатать ни одного отрывка из драматических произведений Хамзы, пьесы которого пользуются большой популярностью у узбекского зрителя. Непомянут также, почему виднейший драматург Узбекистана Я. Яшен представлен только одним отрывком из либретто оперы «Сыр-Дарья», написанным им совместно с М. Рахманом.

Общим недостатком альманаха является отсутствие переводов из произведений писателей Узбекистана, пишущих на русском языке. Два отрывка, напечатанные здесь, не могут восполнить этого пробела.

И. ВИЛЕНСКИЙ

Разговор с городами Горький и Куйбышев

Редакция «Литературной газеты» связалась по телефону с городами Горький и Куйбышев, где жил Алексей Максимович, чтобы узнать, как будут проведены там горьковские дни. О подготовке в г. Горьком нас информировал писатель Н. Кочин. О горьковских днях в Куйбышеве рассказала заведующая отделом агитации и пропаганды горькомской партии тов. А. Киселева.

Последний год, — сказал в беседе с нами Н. Кочин, — наш город широко отмечает день смерти Алексея Максимовича. И в этом году за несколько дней до 19 июня на агитпунктах бывших лабиринтных участков, в заводских клубах и на предпринятых проводятся беседы о Горьком, читки его произведений.

У нас, как известно, два музея Горького. Один из них — домик Каширинных, где родился Алексей Максимович, открыт уже несколько лет назад. Другой — областной литературный музей имени Горького, — устраивает в этом году большую выставку на тему «Горький и театр». Выставка должна показать в рукописях, фотокопиях документов и фотографиях историю драматургии Горького, начиная от первых постановок его пьес до наших дней.

Приезжавшая на днях в Горький Екатерина Павловна Пешкова передала Литературному музею ряд фотоконий с ценных документов, обогативших коллекцию музея.

18 июня в Горьковском областном театре будет дан спектакль «Мещане» для партийного, комсомольского и советского актива города.

В день смерти Горького состоится торжественное заседание, посвященное памяти Алексея Максимовича. Писатель А. Муратов поделится воспоминаниями о встречах с Горьким. Директор Областного музея А. И. Епанчев сделает сообщение

о работе музея. С докладом на тему «Горький и родина» выступит Н. Кочин. А Алексей Максимович Горький, — сказала нам зав. отделом агитации и пропаганды горькомской партии тов. А. Киселева, — как известно, прожил в Самаре несколько лет. В городе два дома, связанные с именем писателя. В одном из них на улице Куйбышева находится финансово-экономический техникум. Во втором — на улице Степана Разина, где особенно долго жил Алексей Максимович, — открывается в этом году музей. Ремонт дома в основном закончен. Ведется внутренняя реставрация. Восстанавливается обстановка, экспонируются материалы выставки. Подготовлено свыше 900 экспонатов. Для выставки собрано свыше двухсот книг Горького в старых изданиях. В свое время старый самарский библиограф Иванов написал работу «Как читать Горького», Алексей Максимович, ознакомившись с ней, сделал ряд серьезных и подробных замечаний. Работа Иванова осталась непоискомбованной. Она будет представлена на выставке. Будет дан также довольно обширный иконографический материал, в частности, ряд интересных фотографий, подаренных Е. П. Пешковой.

Писатель Куйбышева с увеличением работы над горьковской темой. Написано несколько исторических рассказов, часть из них была напечатана в 8-й книге альманаха «Волжская новь». Новые рассказы, связанные с пребыванием Горького в Самаре, появятся в ближайшей книге альманаха.

Куйбышевский театр подготовил к четвертой годовщине смерти Горького новую постановку «Последние». 18 июня этот спектакль будет показан в театре.

В парке культуры имени Горького 18 июня состоится большой общегородской вечер, в организации которого примет участие союз советских писателей.

ХРОНИКА

* Вышел седьмой номер альманаха «Литературный Ростов». Альманах в основном посвящен детской литературе. В него вошли: пьеса Полены Яковлева «После звонка» (о советских школьниках), рассказ Андрея «Сказочник», сказка Переслава Маркина «Набольший кот» (перевод с еврейского), отрывок из повести В. Закутнина «Академик Плющев», повесть Б. Крамерико «Павани», поэма Вениамина Яка «Поручик» (о Лермонтове), воспоминания о пребывании В. В. Маяковского в Ростове-на-Дону — П. Максимова и П. Юфанова, новые записи донского фольклора и ряд других материалов.

* Мордовский поэт А. Рогожин перевел с чувашского на язык классической поэмы К. Иванова «Нарпи». Поэма печатается в журнале «Сатко» («Искра»).

* Последнее собрание воронежских писателей было посвящено поэте нового рассказа М. Подолова «Портрет Мерзвоты» — из цикла рассказов о Западной Белоруссии, над которым в настоящее время работает автор.

* 80-летие старейшего киргизского акына-орденостца Байбета Абдрахманова отметили юбилейная сессия Тянь-Шанского областного совета депутатов трудящихся. Б. Абдрахманов — автор многих лирических стихов, этических поэм. Обладая прекрасной памятью, акын вынашивает весь киргизский народный эпос «Манас».

Президиум Верховного Совета Киргизии наградил Байбета Абдрахманова почетной грамотой и назначил ему пожизненную пенсию.

* Бюро областного комитета ССП ССР заслушало на последнем своем заседании сообщение Д. Стонова о молодых авторах, живущих в Рязани.

Фольклор

Ярославской области

ЯРОСЛАВЛЬ. (От наш. корр.). Ярославское областное издательство выпустило книгу «Частушки Ярославской области». В хорошо изданной книжке собрано несколько сотен частушек, бытующих в селах и городах области. Все частушки записаны в 1938—39 гг. студентами Педagogического института, членами литературного объединения, учителями.

Это уже вторая книга по фольклору, выходящая в Ярославской области.

Ярославское литературное объединение, прикладывая большое значение сборнику фольклора, создало специальную фольклорную комиссию.

Наметен ряд экспедиций в наиболее интересные по фольклору районы области: Суздальский — родина народного героя Ивана Суздальца, Переславский, где Петр I строил корабль, Чухломской и Пошехонь-Волдарский.

Во всех этих районах предполагается записать сказки, легенды, предания и песни, отражающие историческое прошлое и современность.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛГИН (отв. редактор), С. ЛЕБЕДЕВ-ДУМАЧ, М. ЛИОШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

— ВЫРЕЖЬТЕ И СОХРАНИТЕ —

МАГАЗИНЫ МОСКУЛЬТОРГА

№ 15 Китайгородский проезд, д. 1, (у Политехнического музея). Телефон К 5-66-90.

№ 22 Арбат, д. 4. Тел. Г 1-30-39.

№ 3 Ул. Герцена, д. 22. Тел. К 4-47-94.

№ 16 Сретенка, д. 36. Тел. К 5-50-73.

№ 20 Ул. Горького, д. 78. Тел. Д 1-36-76.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ

И ПРОДУЮТ

КНИГИ

СТАРЫЕ И НОВЫЕ (по истории, философии, художественной литературе).

ДЛЯ ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВЫСЫЛАЮТСЯ

ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЯ

ул. Горького, 13, Тел. К 1-28-32.

ПОКУПАЕТ КНИГИ

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ: ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПО ХУДОЖЕСТВУ, ТЕАТРУ И ИСКУССТВУ.

Для осмотра домашних библиотек В Б И Б Л Ю Т О Я ТОВАРОВЕДЫ

канцелярские ТОВАРЫ

Плунжеры и стетные пишущие, арфографы, готальеры, авторучки, стетные линейки, пишущие приборы, а также шапканы, папки и т. д.

ПОКУПАЕТ

У НАСЕЛЕНИЯ МОСКУЛЬТОРГ

В СКУПОЧНОМ МАГАЗИНЕ № 1, Большая Колхозная площадь, д. 12, тел. К 5-06-86 (выходные дни — первые два часа работы).

В МАГАЗИНЕ № 20, ул. Горького, д. 78, тел. Д 1-30-76.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР (МОСКВА, МОСКОВСКОЕ ПУШКИНСКАЯ, 11)

ИЗВЕЩАЕТ, ЧТО 27 ИЮНЯ 1940 года в 6 час. 30 мин. НА ОТКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА

СОСТОИТСЯ ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ:

НА СОКОПАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК: В. С. УЗИНЫМ — «Народно-героическая драма «Фунте Овехуна» в связи с некоторыми особенностями драматургии Лопе де Вега».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОПОНЕНТЫ: доктор искусствоведческих наук, профессор А. Е. Джиганов и проф. Ф. В. Келлин.

М. А. НЕРЕСОВОЙ — «Проблема характера у Чосера и французской литературы тринадцатого и четырнадцатого веков».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОПОНЕНТЫ: доктор искусствоведческих наук, профессор А. Е. Джиганов и проф. В. И. Пуринев.

Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВЫМ — «Центральные образы народной поэзии советской эпохи».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОПОНЕНТЫ: профессор Л. И. Тимофеев и проф. М. И. Сербранский.

О ДИССЕРТАЦИЯХ МОЖНО ОЗНАКОМИТЬСЯ В СЕКРЕТАРИАТЕ ИНСТИТУТА ЕЖЕДНЕВНО ОТ 10 ДО 3 ЧАС. ДНЯ.

Редкая книга В. Маяковского

В. МАЯКОВСКИЙ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА - 1924

Поэт А. Крученых на днях разыскал редкую книгу В. Маяковского, не вошедшую в его библиографию.

Книга называется: «Два стихотворения». Она набрана и напечатана в порядке учебного задания на графическом факультете Вхутемаса студентом Н. Ф. Ланским в 1924 году тиражом 30 экземпляров.

В книгу вошли стихотворения: «Расскажи про то, как куша о Врангеле толкала без всякого ума» и «Моя речь на Генуэзской конференции».

Книга будет передана в библиотеку-музей В. Маяковского.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ

СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРИИ

КАЗАНЬ. (От нашего корр.). Правление Союза советских писателей Татарии приняло в члены ССП молодого татарского драматурга Гамира Пасыры и русского поэта-переводчика А. Беленского.

Гамир Пасыры — автор нескольких пьес, идущих с большим успехом в колхозно-совхозных театрах Татарии («Делегат», «Ленивий Бикмухамет», «Бухгалтер Ашмасов» и др.). В 1939—1940 гг. он закончил новую пьесу — «На берегу озера», посвященную событиям у озера Хасан. Эта пьеса получила хорошую оценку критики.

А. Беленский известен как один из культурнейших переводчиков татарской поэзии на русский язык. Им переведены «Новый Кисебаш» народного поэта Г. Тукая и ряд вещей современных татарских поэтов.

ПЕРВАЯ ПЬЕСА М. ГОРЬКОГО НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На сцене марийского национального театра в г. Йошкар-Ола поставлены «Мещане» М. Горького. Это первая пьеса великого пролетарского писателя, переведенная на марийский язык.

Перевод сделал драматургом Г. Ефрушом. Режиссер — Г. Крыжжидий. Спектакль пользуется большим успехом у зрителя.

ЛЕРМОНТОВ В КИНО И В МУЗЫКЕ

Сценарий К. Паустовского

К столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова готовятся два посвященных ему фильма. Один из них — документально-биографический, другой — художественный (его ставит Соколовский). Сценарий для художественного фильма написал К. Паустовский.

Автор сценария поставил себе задачей воссоздать живой облик поэта, разрушить традиционное представление о нем, как о байронизирующемся офицере. Он рисует современность Лермонтова в условиях тогдашней России и его огромные личные трудности, вытекавшие из неумолимой действительности. Лермонтов говорит о себе в сценарии, что он хочет написать трилогия — о Французской буржуазной революции, об Отечественной войне 1812 года и о походе Ермолова на Кавказ.

Начинается сценарий 1837 годом. Лермонтов находится уже в расцвете творчества, им только что закончено «Бородино».

Первый кадр сценария показывает Лермонтова на пирушке у гусяра Пономарева. Поэт счастливо выволокан — он готовится утром посетить и в первый раз увидит лично Пушкина, на суд которого хочет отдать «Бородино».

Но в разгар веселья приходит весть о гибели Пушкина. Потрясенный, не помня себя от горя, Лермонтов убеждает о возвращении Лермонтова к Пушкину, в похвальные слова о Пушкине, в похвальные слова о Пушкине, в похвальные слова о Пушкине.

Эта завязка сценария является сама по себе литературоведческой сенсацией. До сих пор считалось твердо установленным, что в дни дуэли и смерти Пушкина Лермонтов был болен и находился дома не выходя. Однако по новым, неопубликованным еще данным И. Андроникова, являющимся консультантом сценария, трагическая весть достигла Лермонтова именно во время пребывания его на пирушке у Пономарева.

Первая сценка поэта. Сценарий показывает Лермонтова в Тбилиси. Отдельные кадры рисуют его встречи там с поэтом

декабристом А. И. Олсуфьевым, его знакомство с семьей Александра Чавчавадзе, любовь к нему родственницы Чавчавадзе — Майко Орбелиани и т. д.

Эпизоды, посвященные возвращению Лермонтова в Петербург, показывают все усиливающуюся травлю поэта великодушным обществом. Особым комом стоят два эпизода — встреча поэта с Гоголем и посещение его в Ордоне-Гаузе Великимским.

Заключительные кадры сценария говорят о второй ссылке и гибели поэта.

Николай I выведен только в одном из начальных кадров сценария. Но благодаря тому, что в последующих кадрах резко подчеркнуты взаимоотношения поэта с цесарем, царем Марией Николаевной, лютолюбью царя Марии Николаевны, личная и политическая заинтересованность царя в убийстве Лермонтова достаточно выявлены.

Обсуждению сценария К. Паустовского было посвящено специальное заседание лермонтовской группы Института мировой литературы имени А. М. Горького.

По отзыву С. Дурнилова, речь Лермонтова в сценарии страдает недостаточной строгостью, ясностью и чистотой. Лишняя правдивость сцены сваливания Лермонтова с Великимским. Автор выводит его в уста несоответствующие их действительному облику реплики.

Образ Лермонтова — говорит П. Бродский, — страдает автором и режиссером, страдает зрителем и пейзажем. По замечанию автора, Лермонтов то и дело, что это очевидно, гневно смотрит, кричит и требовательно говорит и т. д.

Сценарий, по мнению Н. Пахомова, написан хорошо. Однако он не воссоздает целостного образа поэта. Лермонтов в сценарии действует эпизодически, отрывочно, и выступает большой поэт, то шалун-гусяр.

даны и в художественном отношении прекрасно сделаны жесткие образы в сценарии — Майко Орбелиани и Мусий-Пушкиной.

И. Андроников считает главным недостатком сценария обилие эпизодов и неизбежно связанную с этим «скоротечность». Поэтому ни в одном из эпизодов образ Лермонтова не раскрыт в надлежащей полноте.

В. Кирпичин указывает, что в сценарии не отражен с достаточной полнотой конфликт Лермонтова с современными ему обществом, не завуалован в полной мере романтическая и органическая сила его

Оперы советских композиторов

Единственной репертуарной оперой на сюжеты Лермонтова является «Демон» А. Рубинштейна. В свое время, правда, соотрился писать оперу по повести «Вал» П. И. Чайковского. Либретто к этой опере должен был сделать А. П. Чехов. На одной из своих книг, подаренных Чайковскому, Чехов даже написал: «От будущего либреттиста». К сожалению, этому творческому содружеству двух гениальных художников не суждено было осуществиться.

Сейчас, в связи с предстоящей лермонтовской датой, советские композиторы готовят ряд крупных произведений для музыкального театра. По заказу Большого театра оперу на сюжет «Вал» пишет композитор А. Н. Александров. Закончить две оперы на тему «Княжна Мери» — А. Ш. Мельц-Пашаевым и В. А. Дегтеревым. И на сцене и по радио исполняется комическая опера В. В. Асафьева «Тамбовская казаччина». Полный текст «Песни про купца Калашникова» положен на музыку в форме народного музыкально-драматического представления, композитором С. В. Аловком. Им же написана опера «Валдим».

Музыкальное управление Комитета по делам искусств организует сейчас просмотр всех новых советских опер на сюжеты Лермонтова.

На днях состоялось первое общественное прослушивание оперы «Княжна Мери» композитора В. Дегтерева (либретто — Г. Крист). Либреттист с большим тактом перенес в свой оценоческую композицию

протеста. Поэтому трагедия Лермонтова обещана. В известной мере это объясняется тем, что автор не дал Лермонтову студента. А ведь поэт сложился не в офицерском мушкетере, а тогда, когда он учился вместе с Великимским, Герценом, Станкевичем, Огаревым.

С критикой отдельных деталей сценария выступили также М. Юнович, Б. Нейман и Н. Сердцев.

К. Паустовский в своем заключительном слове подробно ответил критикам сценария, признав справедливость отдельных принципиальных замечаний.

С. И.